

ГОДЪ XXXIX.

Еженедѣльное

апрѣля 15-го 1907 г.

изданіе.

№ 15.

Адресъ: Москва, Пиховъ пер.
Епархіальный домъ, редакція
«Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за
строку или мѣсто строки: за 1
разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за
3 раза 70 коп., на годъ—по осо-
бому условію.

Подписная цѣна: безъ до-
ставки на годъ 3 р. 50 к., на
полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
на мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою
на годъ 5 р., на полгода 3 р.,
на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп.
Продаются во всѣхъ кіоскахъ
города Москвы.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій
Владиміръ Митрополитъ Московскій и Коломенскій 13-го
сего апрѣля возвратился изъ Петербурга въ Москву.

Наша пастырская задача въ борьбѣ съ социаль- демократическою пропагандою.

Рѣчь, сказанная Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Митрополитомъ
Московскимъ и Коломенскимъ на пастырскомъ собраніи въ Епархіальномъ
домѣ 30 окт. 1906 г.

*Видѣвъ народы, милосердова о нихъ, яко
бяху смятени и отвержени, яко овцы,
неимуція пастыря (Матѣ. 9, 36).*

Боголюбивые братіе—сопастыри!

Каждый изъ насъ, собравшихся здѣсь, хорошо, конечно,
знаеть, какую роль играетъ въ настоящей нашей смутѣ социаль-

демократическая партія—это зерно нашей революціи—и какъ энергично ведетъ она свою пропаганду. Начавши съ городскихъ фабрикъ и заводовъ, она проникаетъ сейчасъ и въ наши деревни. Всюду въ огромномъ количествѣ распространяются ея прокламаціи, книги и брошюры, отравляющія своимъ ядомъ народъ нашъ, всюду рыскаютъ ея агитаторы и провокаторы. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе они сплачиваются и соорганизовываются. Для болѣе успѣшнаго достиженія своей цѣли революціонировать всю Россію „Объединительный съѣздъ“ россійской социаль-демократической партіи въ минувшемъ 1906 году постановилъ раздѣлить ее на „области“ и въ каждой открыть „областной союзъ“ съ областными съѣздами и „областнымъ комитетомъ“, какъ исполнительнымъ органомъ съѣздовъ. Областные конференціи, въ свою очередь, должны заботиться объ открытіи въ предѣлахъ своей области мелкихъ социаль-демократическихъ организацій. Верховнымъ органомъ партіи объявленъ ежегодный съѣздъ всѣхъ представителей областныхъ и другихъ партійныхъ союзовъ. Этотъ съѣздъ выдѣляетъ изъ своей среды „центральный комитетъ“, который руководитъ и объединяетъ дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ организацій („Колоколь“ 1906 г. 22 окт. № 227).

Въ такомъ видѣ дѣйствуетъ у насъ теперь „россійская социаль-демократическая рабочая партія“. Ея боевая тактика на съѣздѣ нынѣшняго года вновь пересмотрѣна и исправлена соотвѣтственно съ уроками, полученными ею въ минувшее вооруженное московское возстаніе. Какъ видите, положеніе въ высшей степени тревожное! Настало, слѣдовательно, и для насъ, пастырей, время возстать отъ сна, такое время, когда отъ насъ требуется особенное напряженіе и умственныхъ, и нравственныхъ, и физическихъ силъ для того, чтобы отворотить отъ нашихъ пасомыхъ угрожающую имъ опасность.

Если бы социаль-демократія была чисто экономическою системою съ чисто экономическими цѣлями, то у насъ, какъ проповѣдниковъ вѣчнаго Евангелія, не было бы достаточныхъ основаній вмѣшиваться въ это дѣло.

Я никогда не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было защищать ту или другую экономическую систему во имя христіанства или даже и подтверждать ее, какъ имѣющую свое основаніе въ Библии. Всякому такому искушенію и попыткѣ поставить христіанство и слово Божіе въ служеніе известной социальной теоріи можно противопоставить ясное слово Спаси-

теля, коимъ Онъ рѣзко отклонилъ отъ себя подобное вмѣшательство въ житейскія дѣла: „другъ, кто поставилъ Меня судьей или раздѣльщикомъ надъ вами?“—сказалъ Онъ, когда нѣкто просилъ Его приказать его брату, чтобы выдалъ ему принадлежащую ему часть имѣнія (Лук. 12, 14).

Но въ этомъ движеніи—и это самое опасное въ социаль-демократіи—дѣло идетъ не объ экономическихъ только вопросахъ, но о совершенно опредѣленномъ религіозно-нравственномъ, или лучше безнравственномъ и безрелигіозномъ міровоззрѣніи. Социаль-демократическое движеніе—насквозь движеніе религіозное, хотя далеко не христіанскаго и даже противохристіанскаго характера. Въ немъ мы видимъ открытый походъ не только противъ Православія, не только противъ христіанства, но и противъ религіи вообще. А этотъ фактъ налагаетъ на насъ, служителей Церкви, самую священную и непремѣнную обязанность—занять въ ней свое мѣсто, чтобы предотвратить тотъ нравственный ядъ, который она хочетъ поднести нашему православному народу. Никто изъ насъ не въ правѣ спокойно смотрѣть, какъ врагъ съеть плевелы въ сердцахъ тѣхъ, кои вѣрны нашему пастырскому попеченію. Мы должны серьезно подготовиться къ борьбѣ, чтобы во всеоружіи выступить противъ того духа, который она хочетъ привить нашей паствѣ, нашимъ духовнымъ дѣтямъ, но выступить не съ вещественнымъ или плотскимъ оружіемъ, а съ оружіемъ духовнымъ, какъ подобаеть пастырямъ: со словомъ и дѣломъ, проникнутымъ миромъ и любовію. Вѣдь и социаль-демократы, какъ бы ни было извращено ихъ міровоззрѣніе и нравственное состояніе, все же—наши братья, дорогою цѣною купленные Христомъ. Не по своей только винѣ, а и по винѣ другихъ и, всего больше, можетъ быть, по нашей винѣ дошли они до такого страшнаго состоянія, что повернулись спиною къ христіанской вѣрѣ и благовѣстію любви противопоставили зловѣстіе злобы и ненависти.

Не съ ненавистью, не съ озлобленіемъ, а съ заботливою любовію должны мы гнаться за ними, какъ заблудшими овцами, чтобы возвратить ихъ къ своей овчарнѣ, съ тою любовію, какою горѣлъ въ подобныхъ случаяхъ и нашъ Небесный Пастыреначальникъ, Который, *видѣвъ народы, милосердова о нихъ, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы, не имущія пастыри*. Въ такомъ христіанскомъ настроеніи, съ такимъ милосердымъ сердцемъ нужно и намъ бѣжать за этими *горохищными* овцами.

Въ такомъ настроеніи хочу и я побесѣдовать съ вами, бра-

тіе-сопастыри, о семь предметѣ, при чемъ я намѣренъ раздѣлить свою рѣчь на слѣдующія 4 части:

I. Характеръ и сущность ученія соціаль-демократіи и цѣли, преслѣдуемая ею. II. Соціаль-демократія, какъ нравственно-религіозное движеніе. III. Наша пастырская задача въ борьбѣ съ этимъ движеніемъ. IV. Способы и средства, какіе полезно употреблять намъ въ разрѣшеніи этой задачи.

I. Характеръ и сущность соціаль-демократическаго ученія.

Чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное и полное понятіе о соціаль-демократическомъ ученіи, достаточно проштудировать и резюмировать обширное сочиненіе одного изъ вождей соціаль-демократической партіи—Бебеля, подъ заглавіемъ: „Женщина въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ“. По этому сочиненію сущность соціаль-демократическаго ученія можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

Во всѣхъ культурныхъ странахъ положеніе вещей стало теперь совершенно невыносимымъ. Полицейское, военное, судебное и тюремное вѣдомства становятся все обширнѣе и дороже, между тѣмъ, какъ спокойствіе, которое они должны бы дать, постоянно уменьшается. Меньшинство, обладающее властью и капиталомъ, злоупотребляетъ ими во вредъ зависящему отъ первыхъ большинству.

Гдѣ не хватаетъ денегъ, примѣняется ложь, обманъ, фальшивые векселя и ужаснѣйшія преступленія. Озлобленныхъ рабочихъ, лишенныхъ своего домашняго скарба, своей послѣдней рубашки, гоняютъ, какъ безпріютныхъ бродягъ, съ мѣста на мѣсто, и бѣжить отъ нихъ „благородное“ общество, не имѣющее ни малѣйшаго представленія о страданіяхъ бѣдняка. Пожилыхъ и молодыхъ женщинъ гонятъ въ объятія проституціи въ то время, какъ тюрьмы, смирительные дома и, такъ называемыя, исправительныя заведенія переполняются.

Причина всего этого—капиталъ. Капиталистъ покупаетъ рабочую силу бѣдняка за безцѣнокъ и кладетъ излишекъ въ свой карманъ. Съ помощью выжатой изъ рабочаго прибыли работодатель покупаетъ все новую рабочую силу и выступаетъ, вооруженный машинами и усовершенствованной техникой противъ рабочаго, какъ одѣтый въ доспѣхи рыцарь противъ невооруженнаго пѣшехода, и давить его.

А наше общество теряется и не знаетъ, что дѣлать. Тѣ, которые могутъ помочь, не хотятъ, а тѣ, которые хотятъ помочь,

не могутъ. Дѣло въ томъ, говорить Бебель, что нынѣшнее общество не въ состояннн уничтожить соціальнаго зла, поэтому оно само должно погибнуть.

Такъ какъ существующее положеніе зависитъ отъ капитала и частнаго владѣнія, то земля, машины, пути сообщенія, должны перейти изъ частныхъ рукъ въ общее достояніе. Тогда условія жизни и труда для обоихъ половъ въ промышленности, земледѣліи и торговлѣ станутъ совершенно другими: воспитаніе, школа, бракъ, искусства, науки, однимъ словомъ вся человѣческая жизнь перемѣнится. Теперешнее государство, существующее для охраненія нынѣшняго частнаго владѣнія, должно быть отмѣнено. Если прекратится государство, то исчезнетъ и религія, когда вѣры въ сверхъестественное, т.-е. въ то, чего нѣтъ, не будетъ.

„Государство“ уступитъ мѣсто общечеловѣческому „союзу“, въ которомъ каждый работоспособный членъ обязанъ трудиться, и никто, не работая, не можетъ требовать содержанія. Поэтому новый союзъ долженъ требовать, чтобы каждый производилъ извѣстное количество потребныхъ для жизни предметовъ, необходимыхъ союзу. Если въ одной отрасли производства будетъ излишекъ, а въ другой недостатокъ, то рабочее правленіе союза должно будетъ уравнивать производство.

Въ соціальномъ союзѣ каждый воспользуется производствомъ; тѣмъ больше будетъ рабочимъ произведено, тѣмъ больше можно укоротить рабочее время.

Но человѣкъ нуждается въ разнообразіи. Къ этому представляется въ соціальномъ союзѣ полная возможность. Усовершенствованіе способовъ работы въ высшей степени облегчить трудъ и укоротить рабочее время. Въ такомъ случаѣ у каждаго найдется достаточно времени для развитія души чтеніемъ, искусствами и общественными развлеченіями.

Соціальный союзъ будущаго дастъ массу ученыхъ рабочихъ или работающихъ ученыхъ и художниковъ, употребляющихъ сравнительно небольшую часть дни на физическій трудъ, а остальное время дни на науки и искусства. Собираніе капитала, денежные кризисы и сопряженное съ ними прекращеніе работъ исчезнутъ, потому-что новый союзъ не будетъ производить товаровъ для продажи или покупки, но только на жизненныя потребности для взаимнаго обмѣна. Поэтому не нужны будутъ и деньги, этотъ корень столькихъ бѣдъ нынѣшняго общества. Деньги перестанутъ быть мѣновымъ средствомъ. Десятиминутный трудъ въ

одной области обмѣнится на десятиминутный трудъ въ другой, такъ какъ союзъ не хочетъ барышей; онъ хочетъ только облегчить сбытъ между членами посредствомъ обмѣна предметовъ одиноковой потребительной цѣнности.

Но что станетъ тогда съ разницею между прилежными и лѣнливыми, умными и глупыми? Не умный вопросъ! Въ социальномъ союзѣ нѣтъ такого различія. Всѣ нормальные люди рождаются съ одинаковымъ умомъ и одинаковыми способностями; въ этомъ различіи, какое наблюдается въ настоящемъ обществѣ, виновато нелѣпое воспитаніе его. Въ новомъ союзѣ воспитаніе, наоборотъ, будетъ стараться развивать естественныя дарованія каждаго, и каждому будетъ назначена та дѣятельность, которая соотвѣтствуетъ его наклонностямъ и дарованіямъ. Если же, съ другой стороны, кто-либо получилъ дарованія, превышающія его надъ другими, то союзъ не обязанъ награждать его за то, что не составляетъ его личной заслуги.

Всякая работа, въ которой нуждается союзъ, одинаково цѣнна. Поэтому рабочій, чистящій выгребныя ямы, чтобы охранять людей отъ веществъ, распространяющихъ заразу, очень полезный членъ союза, между тѣмъ, какъ профессоръ, искажающій исторію въ интересахъ правящихъ классовъ, и богословъ, затмевающій умъ народа своимъ ученіемъ о сверхъестественномъ,—крайне вредные и опасные субъекты.

Что будетъ съ государствомъ, то должно произойти и съ религіею: не будучи отмѣненою, она исчезнетъ сама собою. Уже теперь монотеизмъ уступилъ мѣсто всюду проникающему пантеизму. Естественныя науки превратили „Сотвореніе міра“ въ мифъ, астрономія, математика и физика превратили „Небо“ въ воздухъ, а звѣзды на небесномъ сводѣ—въ постоянныя звѣзды и планеты, естество которыхъ показываетъ невозможность существованія тамъ ангеловъ.

Нравственность и мораль не будутъ имѣть ничего общаго съ религіею; только глупцы и ханжи увѣряютъ, что нравственность зависитъ отъ вѣры.

Въ этомъ союзѣ женщина должна быть вполне независимой и ни на юту не должна быть подвластна мужчинѣ. Она можетъ избрать какой угодно трудъ, сообразно своимъ способностямъ и желаніямъ. Одну часть дня она—работница, другую часть дня она—воспитательница, учительница, третью часть дня—она изучаетъ какое-нибудь искусство, науку, четвертую часть дня зани-

маеть общественную должность. Въ любви она одинаково свободна, какъ и мужчина. Она можетъ свататься или принимать сватовство, связи между мужчинами и женщинами заключаются по обоюдному соглашенію, безъ вмѣшательства общественного посредника. Половое сношеніе вполнѣ свободно; если одна изъ сторонъ недовольна, или возникаетъ разладъ и непріятность, то нравственность требуетъ расторженія такой связи. Нынѣшній бракъ есть послѣдствіе права собственности; онъ требуетъ, чтобы родныя дѣти были наслѣдниками, и навязываетъ ихъ и тѣмъ, отъ которыхъ нечего и наслѣдовать. Но такъ какъ въ новомъ союзѣ нечего наслѣдовать, то нѣтъ и причинъ для законнаго брака. И этимъ исчерпывается и вопросъ о наслѣддіи.

Хозяйство и дѣти не будутъ мѣшать свободѣ женщины, такъ какъ въ новомъ союзѣ всегда найдутся такія женщины, которыя добровольно сдѣлаются кормилицами и воспитательницами и которымъ матери, не желающія сами заниматься своими дѣтьми, могутъ ихъ передать. Домашній очагъ замѣняютъ общественныя столовыя, собранія, библіотеки, увеселительныя заведенія, прачешныя и бани, площади для игръ и воспитательныя заведенія, куда могутъ отсылать своихъ дѣтей тѣ, которые сами не хотятъ ими заниматься.

Такимъ образомъ, говоритъ Бебель, рай будетъ на землѣ, такъ какъ другого рая нѣтъ, какъ это проповѣдуетъ христіанство. Если знаешь, что послѣ смерти все кончено, то и сообразуешься съ этимъ.

Согласно этому ученію въ 1877 году на Готскомъ социалистическомъ конгрессѣ выработана и принята была слѣдующая программа:

1) Только трудъ есть источникъ всякаго богатства. Такъ какъ полезный трудъ возможенъ лишь въ обществѣ, то и прибыль отъ труда принадлежитъ обществу, т.-е. всѣмъ его членамъ, но съ тѣмъ, что каждый обязанъ трудиться, дабы имѣть право на полученіе прибыли.

2) При нынѣшнихъ обстоятельствахъ рабочія средства находятся исключительно въ рукахъ капиталистовъ. Зависимость отъ капитала есть причина угнетеннаго и бѣдственнаго положенія рабочаго класса.

3) Для освобожденія труда требуется, чтобы рабочія средства сдѣлались общимъ достояніемъ человѣческаго союза и чтобы союзъ этотъ управлялъ совмѣстной работой, употреблялъ бы

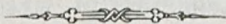
прибыль на общественную пользу и справедливо распределять бы ее.

4) Освобождение труда (экспроприация) должно быть делом самих рабочих, все другие классы только реакционеры, мешающие принятию целесообразных мер.

5) Социалистическая рабочая партия должна поэтому употребить все средства, чтобы создать свободное государство и социалистический союз для уничтожения железного закона и о наемном заработке и для устранения всякого социального и политического неравенства.

И эта партия, действительно, употребляет все, и дозволенные, и, к несчастью, недозволенные средства к достижению задуманной цели. Подъ призывомъ своихъ агитаторовъ: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“—соціалъ-демократы соединились въ одну такую импонирующую силу, съ которою серьезно приходится считаться нашему правительству. Прежде спокойная Русь наша дрогнула подъ мощнымъ ударомъ кулака рабочихъ, которые, при вспышкѣ революціоннаго пламени, хотятъ завоевать себѣ единственное право противъ всякаго другого права.

(Продолженіе слѣдуетъ).

«Приступъ» къ небу.

(Продолженіе).

II.

А вотъ и то, что интересуется, даже болѣе, захватываетъ зрителей въ „Брандъ“. Вотъ „Брандъ“ въ деталяхъ *).

Покрытыя снѣгами горныя полянки, окутанныя утреннею полумглою и густымъ туманомъ. По горнымъ тропинкамъ съ палкою въ рукахъ и ранцемъ пробирается скромный капелланъ Брандъ-священникъ безприходной маленькой церкви, который ходитъ по горамъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей поселянъ, разбросанныхъ повсюду въ этихъ горныхъ долинкахъ и полянахъ. Брандъ на своемъ пути сталкивается съ однимъ крестьяниномъ, идущимъ съ сыномъ-подросткомъ. Узнавъ отъ крестьянина.

*) Известно, что ни одно изъ произведеній Ибсена не достигло такого распространения, какъ „Брандъ“, выдержавшій до настоящаго времени болѣе 15 изданій.

что дочь его прислала ему вѣсть „о томъ, что смерть ея близка; но съ миромъ не можетъ отойти она, не свидясь“ съ нимъ, отцомъ, въ послѣдній разъ и что отецъ не хочетъ спѣшить къ ней, потому что ему „невозмогу“, Брандъ бросаетъ осужденіе жалкому рабу... и добавляетъ: помощь тѣмъ, „кто и не хочетъ даже того, чего не можетъ, не нужна...“

Здѣсь же, на горной тропѣ, Брандъ встрѣчаетъ своего сверстника по школѣ, молодого жизнерадостнаго художника Эйнара, который объ руку съ невѣстою Агнесъ направляются, — оба запыхавшіеся, разгоряченные, — къ ближайшей пристани, чтобы оттуда отправиться въ родной городъ и тамъ обвѣнчаться. Тутъ же въ горахъ пробѣгаетъ слабоумная дѣвушка-цыганка Гердъ, которая манитъ Бранда куда-то вверхъ скалъ, гдѣ, по ея словамъ, есть большая и прекрасная церковь. Сопоставленіе легкомыслія Эйнара и серьезнаго ригоризма Бранда, призваннаго, по его заявленію, быть „цѣлителемъ и врачомъ для душъ больныхъ, грѣховныхъ“ производитъ на Агнесъ неотразимое впечатлѣніе. Какъ бы загнипнотизированная Брандомъ, она утрачиваетъ радость жизни и, разсѣянно глядя въ пространство, сознаетъ, какъ образъ Бранда выросъ въ ея глазахъ.

Но вотъ читатель и зритель Бранда переносится въ нѣсколько иную обстановку. Берегъ фіорда. Кругомъ обрывистые утесы, около которыхъ ютится ветхая церковь. Собирается гроза. На самомъ берегу и на прибрежныхъ пригоркахъ сбился въ кучу народъ—мужчины, женщины и дѣти. На камнѣ посрединѣ сидитъ *фогтъ* и съ помощію писаря раздаетъ голодающимъ крестьянамъ муку и съѣстные припасы. Въ толпѣ стоятъ Эйнаръ и Агнесъ. Къ берегу причалено нѣсколько покачивающихся на волнахъ парусныхъ лодокъ. Около церкви показывается Брандъ. Толпа угрожаетъ Бранду за то, что онъ, видя всеобщій голодъ, проповѣдуетъ народу о необходимости возродиться духовно. Скоро, однако, толпа преклоняется предъ самоотверженіемъ Бранда, когда онъ, не взирая на разбушевавшійся штормъ, бросается въ лодку, чтобы ѣхать въ мѣстечко на противоположномъ бѣрегу фіорда—напутствовать умирающаго, и когда никто, не исключая и Эйнара,

дышащаго здоровьемъ и молодостью, не хочетъ сѣсть съ нимъ въ лодку, чтобы править рулемъ. Только одна Агнесъ, преклоняющаяся предъ величіемъ подвига Бранда, быстро перебирается въ лодку и, уже навсегда покидая жениха, ѣдетъ со священникомъ. Съ этого момента Брандъ безраздѣльно владѣетъ сердцемъ Агнесъ.

И вотъ мы видимъ Бранда и Агнесъ, совершившихъ самоотверженный подвижъ, подлѣ хижины бѣдняка, напутствовать котораго пріѣхалъ Брандъ и который теперь, — увы! уже мертвъ, вмѣстѣ съ своими двумя малютками. Брандъ и Агнесъ глубоко переживаютъ великое таинство смерти, которая „пришла и смыла весь грѣхъ и ужасъ“ и которая выдвигаетъ серьезный вопросъ о всеобщей солидарности и отвѣтственности людей другъ за друга... Изъ-за хижины приходитъ къ Бранду толпа поселянъ и проситъ его, рискнуваго для ближняго жизнию, остаться въ ихъ приходѣ. Брандъ сначала сурово отклоняетъ эту просьбу: ему нужно, чтобы кругомъ кипѣла жизнь, чтобъ цѣлый міръ внималъ ему слухомъ чуткимъ.

А здѣсь что дѣлать мнѣ, въ этой тѣсной
Оградѣ скаль? Здѣсь голосъ мой замретъ...

Но настойчивыя убѣжденія поселянъ, одинъ изъ которыхъ, понизивъ голосъ, говоритъ:

... Завтра, можетъ быть, мы все забудемъ,

Свернемъ сулящее такъ много знамя,

Что поднялъ ты сегодня передъ нами, —

эти убѣжденія склоняютъ, наконецъ, Бранда на просьбу поселянъ. „Рыцарь Господа“, искавшій „простора“ для своей дѣятельности, рѣшаетъ, что разъ жертва *сама по себѣ*, то совершенно отпадаетъ вопросъ, для кого она — ради цѣлой вселенной или ради маленькаго горнаго поселка.

У этой же хижины, гдѣ рѣшенъ былъ вопросъ о служеніи народу, въ горномъ сыромъ ущельѣ происходитъ встрѣча Бранда съ матерью, особенно сильно вырисовывающая титанической характеръ капеллана. Мать — несчастное созданіе. Она, выданная замужъ безъ любви и пристрастившаяся къ деньгамъ, и на закатѣ дней не можетъ отрѣшиться отъ этой страсти, несмотря на увѣщаніе ея сына, что спасеніе невозможно, если мать отдастъ только часть

своего имѣнья, какъ соглашалась она, на дѣла благотворительности. „Или все, или ничего“—съ особенной рельефностью обрисовывается его руководящая идея жизни. Брандъ, такимъ образомъ, неумолимо суровъ и строгъ даже къ своей матери, которая послѣ и умираетъ безъ напутствія—и все лишь потому, что, поступаясь многимъ изъ своего богатства, она не отдала всего...

И еще ярче выступаетъ эта суровость, когда мы видимъ Бранда, признаваго въ волѣ „единственный надежный цементъ— всю суть“ и рѣшившагося сказать въ виду селенья:

Ко мнѣ придите,—вялою толпой
 Бредущіе долиной тѣсной, братья!
 Готовъ я вамъ раскрыть свои объятя
 И слиться съ вами мыслью и душой;
 Мы сблизимся, стремиться будемъ вмѣстѣ
 Очистить души, ложь въ себѣ убить
 И волю льва отъ спячки пробудить.
 Работникъ съ заступомъ достоинъ чести
 Не меньше рыцаря съ мечемъ. Одна
 Поставлена всѣмъ людямъ цѣль—доскою,
 Скрижалю чистой быть душа должна,—
 Да пишетъ Богъ на ней Своей рукою!

Теперь онъ требуетъ жертвы не только отъ матери, милосердіе которой могло бы исцѣлить ея больную душу, но и отъ горячо любимой жены Агнесъ и отъ единственного крошки-ребенка. И ихъ онъ вовлекаетъ въ свою суровую борьбу.

И эта первая жертва для Агнесъ и единственная для малютки состояла въ томъ, что пасторъ, поселившійся въ узкой тѣнинѣ, куда не проникаетъ солнце, гдѣ постоянно сыро и сумрачно, подвергъ Агнесъ и ребенка всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ, которыя губятъ здоровье. И ребенокъ не переноситъ суроваго климата скалистой тѣснины, гдѣ

Вѣчный сумракъ, вѣтеръ, сырость, холодъ
 Насквозь и тѣло леденить, и душу...

Гибнетъ маленькій нѣжный цвѣтокъ, для спасенія котораго отецъ не хотѣлъ переменить мѣста своего служенія...

Одна жертва принесена Брандомъ и Агнесъ. Но Брандъ простираетъ свой ригоризмъ далѣе: онъ хочетъ „растра-
влять рану“ своей Агнесъ, чтобы

Вытекла кровь вся дурная и скорѣе она
Снова здоровою стала...

Онъ запрещаетъ ей утѣшаться воспоминаніемъ о милomъ ребенкѣ... Онъ приказываетъ даже отдать все до послѣдней нитки изъ оставшагося послѣ ребенка бѣлья бродячей цыганкѣ... И Агнесъ, сдерживая слезы и переживая жестокою внутреннюю борьбу, наконецъ, все, все отдаетъ — даже маленькій чепчикъ, который она носила у себя на груди и который былъ особенно дорогъ ей, потому что онъ былъ „пѣтомъ предсмертнымъ смоченъ“ и ее слеза-
зами... Она отдаетъ это и, сознавая, что всѣ силы ея ушли на побѣду, умираетъ какъ бы подъ аккорды испо-
вѣданія Бранда:

Вѣрь до конца себѣ, сердце мое:

Все проигравъ—побѣждаешь,

Все потерявъ—обрѣтаешь;

То лишь, что умерло,—вѣчно твое!

И вотъ Брандъ снова одинокъ. Теперь ему остается предъявить требованіе на жертву къ самому себѣ и къ своей паствѣ.

Самъ онъ безъ колебанія отдаетъ все крупное достояніе, оставшееся ему отъ матери, на пользу прихода и, между прочимъ, на мѣсто ветхой полуразрушенной церкви строить новый храмъ. Постройка занимаетъ его, и онъ дѣятельно готовится къ освященію храма. Но когда храмъ законченъ, жажда подвига и жертвы влечетъ его дальше. Ему кажется, что онъ призванъ служить не въ этомъ, все же тѣсномъ, храмѣ, а въ томъ великомъ, какимъ является вся природа. Онъ хочетъ воздвигнуть теперь „такую церковь,

Своды которой могли бъ обхватить

Сѣнью своею не только

Вѣру, религію, но и всю жизнь,

Все, что живетъ, существуетъ:

Будничный трудъ и воскресный покой,

Утра заботы, сны ночи,

Юности рѣзвость и старца печаль
 Все, чѣмъ быть бѣдной, богатой,
 Можетъ по праву людская душа.
 Ключь, что журчитъ подь горою,
 Тотъ водопадъ, что въ ущельѣ реветъ,
 Бури рыданья, стонъ моря—
 Все должно слиться въ могучій хораль
 Съ пѣньемъ органа и паствы“...

И эта церковь должна быть построена „не на инвалидахъ“. Ее могутъ воздвигнуть, „какъ сказано свыше“, дѣти „съ душой чистой и свѣжей, здоровой“...

И нѣтъ у той Церкви предѣловъ, конца:

Поль въ ней зеленя нивы,

Горы, долины, ручьи и моря,

Сводомъ-же служить ей небо...

Вся эта Церковь, весь міръ—какъ кора

Дерева стволь весь обниметъ,

Вѣру и жизнь воедино сольетъ...

„Прочь же отсюда“ — энергично зоветъ Брандъ къ народу: „здесь Господа нѣтъ, быть межъ такими не можетъ; тамъ красота и свобода, гдѣ Онъ“... И, запирая выстроенную имъ Церковь и бросая ключи въ рѣчку, онъ зоветъ молодыхъ и сильныхъ за собой:

Юныя, бѣдныя души, за мной:

Ваше дыханье живое

Пыль въ этомъ затхлому углу да смететъ!

Васъ поведу я къ побѣдѣ!

Рано или поздно проснуться должны,

Стать благороднѣй и чище,

Цѣпь компромиссовъ порвать.

Такъ скорѣй

Прочь изъ окововъ малодушья,

Тины раздвоенности!..

Ввысь по застывшимъ волнамъ ледниковъ

Внизъ по долинамъ, селеньямъ,

Вдоль—поперекъ мы всю землю пройдемъ,

Петли, силки всея развяжемъ,

Выпустимъ души, попавшія въ плѣнь,

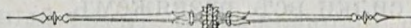
Ихъ обновимъ и очистимъ,

*Дряблости, льны сотремъ всѣ слѣды,
Будемъ воистину—люди,
Пастыри, стертый чеканъ обновимъ
Въ храмъ превратимъ государство!*

Такова основная, можно сказать, демагогическая и фантастическая идея Бранда. Опытъ скоро и очевиднѣйшимъ образомъ доказалъ это. Толпа, вѣчно себѣ вѣрная толпа, жаждающая хлѣба и спокойной, хотя сколько-нибудь обеспеченной, жизни, не пошла за Брандомъ на вершину горы. Потеря всѣхъ благъ мірскихъ и духа раздвоенности, рабства всѣхъ цѣпей блестящихъ, позолоченныхъ и сонливой немощи—эта потеря оказалась не такъ-то легкою. Награда въ обѣщаніи „вдохновенія вѣры, чистоты воли, единство души, радостной готовности къ жертвѣ“ не подняла на гору рабовъ земли. Мало того—толпа забрасываетъ Бранда камнями, и онъ устремляется на пустынные скалистые высоты.

Брандъ, терзаемый жгучими призраками, переходитъ въ мечтателя-утописта: онъ сохраняетъ въ себѣ только душу, да и ту сродную душѣ безумной цыганки Гердъ, которая давно уже указывала ему дорожку къ храму среди заоблачныхъ высотъ... Онъ умираетъ подъ давленіемъ болѣзненнаго самовнушенія. И въ предсмертномъ томленіи ему кажется иногда, что не сномъ ли была вся его жизнь съ жертвами, принесенными имъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другими... Въ его воспаленномъ воображеніи встаетъ очаровательный образъ Агнесъ, какъ кошмаръ, какъ живая укоризна и вмѣстѣ какъ участливая, полная и посмертной заботливости о немъ, душа: она навѣваетъ ему успокоительную мысль, что вся жизнь его была именно только сонная греза, и что вотъ-вотъ онъ проснется, и все исчезнетъ... Но онъ проснулся—въ смерти... И когда обрушившаяся отъ выстрѣла цыганки Гердъ лавина погребаетъ Бранда, ждущаго съ неба отвѣта въ часъ смерти, среди раскатовъ грома слышится: Богъ, Онъ — *deus caritatis!*

Д. В.

ИЗЪ ПОСТНОЙ ТРЮДИ.

Страсти Христовы.

18.

Твориль евреямъ Ты добро—
 Они Тебя приговорили
 Къ позорной смерти на крестѣ
 И съ желчью укусуъ поднесли,
 Когда Ты жаждою томился!
 Воздай имъ, Боже, по дѣламъ ихъ.
 Зато что милость и любовь
 Твою, Господь, они отвергли!

Ты распять, но не улеглась
 Евреевъ ненависть и злоба!
 Кивая дерзко головами,
 Они глумятся надъ Тобой:
 Хулу, Христось, отъ нихъ Ты слышишь.
 Воздай имъ, Боже, по дѣламъ ихъ:
 Народъ безбожный не хотѣлъ
 Постигнуть тайну искушенья! *)

Ничто не тронуло убійць:
 Завѣса въ храмѣ разодралась,
 Разсѣлись камни, потряслась
 Земля, и мертвые воскресли,
 Но не раскаялись они!
 Воздай имъ, Боже, по дѣламъ ихъ
 Зато что замысль преступный
 Они замыслили, Господь

19.

„Народъ Мой, что Я сдѣлалъ вамъ
 (Спаситель говорить евреямъ)
 И чѣмъ обидѣлъ васъ? Прозрѣнье
 Слѣщамъ Я вашимъ даровалъ,
 Очистилъ вашихъ прокаженныхъ
 И словомъ исцѣлилъ того,
 Кто былъ разслабленнымъ. Народъ Мой!
 Что сдѣлалъ вамъ Христось, и чѣмъ
 Ему вы нынѣ отплатили?
 За манну желчь вы поднесли,
 За воду—укусуъ! Не любовью
 Отвѣтилъ на Мою любовь
 Народъ Мой: ко кресту Меня

*) Намекъ на? слѣдующія слова второго псалма: („Господь сказалъ Мнѣ: Ты Сынъ Мой: Я нынѣ родилъ Тебя; проси у Меня, и дамъ народы въ наслѣдїе Тебѣ и предѣлы земли во владѣнїе Тебѣ; Ты поразишь ихъ жезломъ желѣзнымъ); сокрушишь ихъ, какъ сосудъ горшечника“.

Вы пригвоздили! Я отнынѣ
 Не знаю васъ! Я призову
 Моихъ язычниковъ: Я дамъ
 Имъ вѣчной жизни даръ, и будутъ
 Они благословлять Меня,
 Благословлять Отца и Духа!“

20.

Раздирается нынѣ завѣса:
 Обличаетъ безбожныхъ она,
 И скрываетъ лучи свои солнце:
 Видитъ Бога оно на крестѣ!

21.

Законники и фарисеи,
 Сыны Израиля! Изъ устъ
 Апостоловъ, друзей Христовыхъ,
 Вы слышите: „Вотъ Храмъ: Его
 Не содрогнулись вы разрушить!
 Вотъ Агнецъ: на крестѣ Его
 Распяли вы, во гробѣ скрыли,
 Но Онъ, Всесильный Богъ, воскресъ!
 Не заблуждайтесь, іудеи:
 Вѣдь это Онъ и въ морѣ спасъ,
 И манной васъ питалъ въ пустынѣ!
 Онъ—міра Миръ, и Свѣтъ, и Жизнь“.

22.

Когда предъ Каиафой, Боже,
 Предсталъ Ты, и Тебя, Судью
 Живыхъ и мертвыхъ, іудеи
 Къ Пилату привели на судъ,
 Небесныя святыя силы
 Заставилъ содрогнуться страхъ:
 Къ преступникамъ причтенъ Безгрѣшный,
 Съ разбойниками распять Богъ!
 Хвала Тебѣ, Господь, и слава!
 Чтобъ челоуѣка искупить,
 Ты все терпѣль: границъ не знаетъ
 Великодушіе Твое!

23.

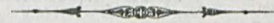
„Распи Его!“ кричалъ Пилату
 Народъ еврейскій, и Пилатъ
 Тебя имъ отдалъ на распятыя,
 Тебя, Невиннаго! Они
 Разбойника освободили,
 Тебѣ же смертный приговоръ
 Уста ихъ изрекли, и тяжкимъ
 Грѣхомъ убійства запятнали

Себя безбожные навѣкъ!
 Воздай имъ, Боже, по дѣламъ ихъ
 Зато, что замысель преступный
 Они замыслили, Господь!

24.

Того, Кого вся тварь страшится,
 Предъ Кѣмъ трепещеть все, Кого
 Благословляютъ всѣхъ уста,
 Премудрость Божию и Силу
 И Сына Божія—Христа,
 Не содрогаясь, заушаютъ
 Первосвященники Его
 И желчь Ему подносятъ! Все
 Ты терпишь, Боже Милосердый
 (Твоя на то святая воля!)
 И льется кровь Твоя за насъ!

Великіе дни.

(Изъ воспоминаній сельскаго священника).

Что за чудное утро стояло въ то Вербное воскресенье! Послѣ краткаго перерыва между утреней и литургіей я шель въ храмъ; душа не остыла еще отъ впечатлѣній одной службы и горячо рвалась къ другой. Безоблачное небо ласково опрокинулось надъ просыпающею природою и пристально глядѣлось въ гладь широкаго рѣчнаго разлива. Солнце поднялось уже изъ-за лѣса и ударило лучемъ въ крестъ колокольни; въ выси звонко заливались жаворонки, вторя праздничному благовѣсту. Въ свѣжемъ воздухѣ чуялся аромать почекъ, съ часу на часъ готовыхъ брызнуть зеленью. Я остановился на обрывѣ, надъ рѣкою, залюбовался но могучее водное царство, на отсталыя лѣдинки, плавно скользящія по широко разлившейся, но уже усталой отъ бурныхъ порывовъ, рѣкѣ, и радостно внималъ звукамъ колокола, что дрожали въ воздухѣ и звонко лились вдоль и замирали гдѣ-то за синѣющей на горизонтѣ рощей... Съ села дружно шли богомольцы. Сердце радостно билось; хотѣлось въ этомъ свѣтломъ настроеніи начать святую службу. Небольшой храмъ наполнился. Отраднo было смотрѣть на вѣточки вербы плавно колыхающіяся въ рукахъ богомольцовъ. Служба протекала такъ славно, такъ всѣхъ хотѣлось обнять молитвою и благословеніемъ! Къ моему немалому удовольствію и удивленію, съ клироса понеслось дружное пѣніе, то нѣкоторые москвичи, (т.-е. проживающіе въ Москвѣ

на заработкахъ), подошли и помогали Алексѣвичу. Когда кончалась литургія, было жаль, что она оканчивается, жаль разставаться съ умиленіемъ душевнымъ. Но въ порывѣ подъема духа озарила меня мысль продлить св. минуты—устроить вечеромъ бесѣду съ чтеніемъ акаѣиста страстямъ Спасителя. И, слава Богу, мелькнувшую мысль я выразилъ вслухъ въ концѣ проповѣдки, а часа въ 4 полились опять призывные звуки благовѣста, и я не остался одинокъ: человѣкъ 50 собралось помолиться. Послѣ акаѣиста долго потомъ сидѣлъ я съ мужичками надъ рѣкою, незамѣтно въ разговорѣ передалъ имъ смыслъ и значеніе наступающихъ страстныхъ дней. Глубокое вниманіе моихъ немногихъ слушателей трогало и радовало меня. Чутка еще русская душа ко всему святому, духовному; понятна ей и любовь Христова, безгранично разлитая въ этихъ крестныхъ мукахъ Человѣколюбца. Лучи заходящаго солнца уже купались въ струяхъ разлива, когда мы мирно простились и потянулись къ своимъ хатамъ. Я обошелъ свой домъ, осмотрѣлъ ямы, заготовленные для посадки молодыхъ деревцевъ, и помѣстился въ кабинетъ подѣ окномъ пить чай,—такъ не хотѣлось оторваться взоромъ отъ безмятежной картины весенняго вечера. Думалось: немного нужно человѣку, чтобы быть счастливымъ,—только не заглушить въ себѣ чутья къ прекрасному и въ красотахъ міра Божьяго ощущать вѣяніе Духа Всеблагаго.

Сумерки медленно ползли. Загорались звѣздочки. Заря ярко пылала. Душа просилась на просторъ, всякая дрема летѣла прочь. Скоро я опять очутился въ волнахъ свѣжаго воздуха и усѣлся на лавочкѣ подѣ шатромъ высокихъ сосенъ. Мысль полетѣла туда, далеко, къ Іерусалиму... О, какъ захотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ, что освѣщены дыханіемъ Самого Спасителя!.. Я старался мысленно представить себѣ прекрасный Елеонъ, гдѣ Онъ—Человѣколюбецъ—пламенно молился, одинокій, скорбный въ эти послѣднія земныя ночи. Мнилось мнѣ, что и въ этомъ ночномъ безмолвіи, въ этой обширной, мирной странѣ, украшенной Его крестомъ, усѣянный Его храмами, невидимо ходитъ Онъ, любящій, благостный, и плетъ Свое благословеніе вѣзмъ, кто съ мольбою къ Нему устремляетъ свой взоръ въ это безграничное, таинственное небо.

Вспомнилось дѣтство мое, когда я въ эти страстные вечера любилъ сидѣть на крылечкѣ отцовскаго дома, глядѣть въ темпосинее небо и воспроизводить мысленно тѣ событія, что узнавалъ

изъ священной исторіи. Дѣтское сердце трепетало при наступленіи великихъ дней, а маленькій умъ строго слѣдилъ, что и въ какой день произошло *тамъ* (въ Іерусалимѣ).

Звонко перекликались пѣтухи, когда я съ дрожью отъ внутренняго волненія и свѣжести ночи шелъ домой. Подольше бы текли эти двѣ великія, свѣтлыя недѣли, думалось мнѣ. Это желаніе невольно вспыхивало и потомъ въ послѣдующіе годы. Видно сердцу священническому нѣтъ милѣе и дороже этого святаго времени изъ всего годичнаго круга...

И на другой день утро встало такое же ласковое, ясное. Съ легкимъ сердцемъ шелъ я въ храмъ. Здѣсь почти пусто, съ десятокъ школьниковъ, двѣ-три старушки. Чтобы не смутиться пустотою церкви, я старался углубиться въ смыслъ трогательной, страстной службы, и сердце мое согрѣлось. Евангеліе уже читалось съ чувствомъ умиленія. Какъ сейчасъ помню: стою на срединѣ почти пустой церкви. Мерцаетъ свѣча. Въ окна вливаются снопы солнечнаго свѣта. Чтеніе захватываетъ душу, хочется пережить, прочувствовать то, что читаешь. Всякіе житейскіе помыслы смолкли, чувствуешь, что духовная красота книги захватила сердце, и никакой усталости не замѣчаешь.

Иду домой и замѣчаю: два мужичка съ лопатами поджидаютъ меня; понимаю: пришли сажать деревья, а тепло и свѣтъ такъ и льются кругомъ, такъ и зовутъ всякое дыханіе, всякую тварь къ жизни; бодрость охватываетъ все существо, хочется жить и трудиться.

Добрый читатель! если вы любите природу, если вамъ приятенъ трудъ, если вы вдумались когда въ скромное положеніе сельскаго батюшки, то поймете, что это простое, обыкновенное дѣло—сажать деревья околы хаты, для юноши-священника, проникнутаго желаніемъ жить и трудиться въ деревнѣ, есть лучшее наслажденіе. У священника нѣтъ иныхъ чистыхъ удовольствій, кромѣ тѣхъ, что онъ почерпаетъ среди природы. Видѣть свой домикъ, опушенный кудрявымъ садомъ, вдыхать ароматъ взлѣлѣянныхъ растеній весною, любоваться сочными плодами въ ясный августовскій день,—какое другое удовольствіе сравняется съ этимъ?! И благо тѣмъ батюшкамъ, что съ первыхъ же лѣтъ священства занимаются разведеніемъ сада, насажденіемъ деревьевъ. Себѣ пользу и радость получаютъ, и крестьянамъ добрый примѣръ подають. Насколько уныла, сѣра кажется деревня, лишенная садовъ, растительности, настолько привлекательна она

бываетъ, когда соломенные крыши прячутся въ зелени садовъ, опоясаны кудрявыми деревьями. Помимо того: если бы въ нашихъ деревняхъ развито было древонасажденіе, то пожары этотъ страшный бичъ соломенной Руси, сократились бы болѣе, чѣмъ на половину, по крайней мѣрѣ не было бы массовыхъ опустошительныхъ пожаровъ, когда огненный потокъ безпрепятственно течетъ отъ края и до края беззащитной соломенной слободы.

Правда, мы, священники, не собственники своихъ усадебъ, и никто изъ насъ не можетъ поручиться, сколько ему жить и служить при данной церкви, и часто бываетъ „одинъ свѣтъ, а другой послѣ него пожинаетъ“. Но если кому, то не намъ ли, пастырямъ, проповѣдникамъ любви къ ближнему, подобаешь встать выше разныхъ практическихъ соображеній и мелочныхъ житейскихъ расчетовъ, и работать, не покладая рукъ, на пользу общую? Въ случаѣ дружнаго мирнаго цѣлесообразнаго труда среди природы, на отведенныхъ намъ около храмовъ клочкахъ земли, чрезъ какіе-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ появились бы „церковныя гнѣздышки“, на которыхъ бы отдыхалъ взоръ путника, украшались однообразныя деревенскія равнины. А время-то и событія настойчиво требуютъ, чтобы на смѣну опустѣлымъ или безжалостно эксплуатируемымъ дворянскимъ гнѣздамъ, развивались на Руси культурные хотя бы и маленькіе уголки. Но это все мечта. Возвращаюсь къ пережитой дѣйствительности.

Тепло весеннее охватывало организмъ, тепло внутреннее проникало душу. Чувствовалъ себя въ родной, съ дѣтства любимой, струѣ. Это пробужденіе природы, эти зазеленѣвшія лужайки, это щебетанье птичекъ говорило такъ настойчиво, такъ красно-рѣчиво о жизни—пробуждало жажду жить и Бога славить; а эти мирные вечера съ розовыми зорями, съ мигающими звѣздочками, съ свѣжимъ дыханіемъ влажной земли—увлекали воображеніе туда, въ далекую Палестину. Въ образѣ скромнаго селенія обрисовывалась моему воображенію Візанія, Спаситель, колѣнопреклоненный на прекрасномъ Елеонѣ, подъ кущами Геосиманскими. Его предсмертная молитва изображена многими художниками; съ дѣтства я любилъ останавливаться предъ изображеніемъ этой всемірной молитвы. И въ эти тихія ночи, когда вспоминалъ Христа, молящагося послѣ трудовъ напряженной проповѣди, среди душевной тоски предъ надвигающимися страданіями, чувствовалъ въ сердцѣ порывы упасть на колѣни предъ

Его храмомъ и подъ открытымъ небомъ, какъ бы подъ безконечнымъ куполомъ, сказать все, что таилось, протекало въ душѣ. Но среди свѣтлыхъ воспоминаній рисовалась мрачная фигура Иуды,—думалось, за что онъ, несчастный, отвернулся отъ своего Благостнаго Учителя, зачѣмъ далъ себя во власть злой силѣ настолькоъ, что затуманила она предъ взорами ученика Свѣтлый Ликъ Учителя, заглушила звономъ сребренниковъ Его сладостный голосъ. Зачѣмъ онъ не разглядѣлъ черной пропасти подъ собою даже въ ту минуту, когда на вечера прозвучалъ ему кроткій упрекъ: *иди! что задумалъ, дѣлай скорѣй*. О, несчастная страсть человѣческая! слѣпою дѣлаетъ она свою жертву. Жалкій Иуда и въ волнахъ черной полуночи, подъ свѣжимъ дыханіемъ весны, не тронулся, не умилился ты сердцемъ, хотя бы на мгновеніе!.. а вѣдь одинъ-единственный лучъ свѣта, умиленія—и преступная душа твоя остановилась бы на пути къ пропасти, прочь побѣжала бы отъ нея... На душѣ становилось тяжело, но мысль уже ринулась въ горницу просторную, устланную, въ кроткую семью вѣрныхъ друзей Христовыхъ. За четверговой литургіей особенно пристально всматривался я въ изображенную на восточной стѣнѣ алтаря „Тайную вечерю“, и чувствовалось, что Тотъ, Кто съ любовію безграничною приобщилъ учениковъ въ Свою предсмертную ночь, не отвергнетъ и насъ грѣшныхъ, невидимо шлетъ и намъ свое благословеніе, и колѣни невольно склонялись, уста искренно шептали слова дивной молитвы: *„помяни, Господи, предстоящія люди и роды благословныхъ винъ оставшихся... младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушныхъ утѣши, стужаемыя отъ духовъ нечистыхъ свободи, плавающимъ сплавай... вдовицамъ предстань... сирыхъ защити, плененныя избави, недугующія исцѣли. На судищи, и въ рудахъ, и въ заточеніяхъ, и въ горькихъ работахъ, и всякой скорби и нуждѣ суищихъ помяни, Боже!..“* Чувствовалось, какъ св. отецъ, написавшій эту молитву, выстрадавшій ее предварительно великою душею своею, зоветъ насъ приобщиться Любви Христовой. И едва единый маленькій лучъ любви мелькнетъ въ душѣ,—милы, дороги, точно родные, становятся люди и всѣ несчастные, скорбные, всѣхъ захочется тогда обтечь благожелательствомъ, и тихій свѣтъ проливается въ сердца. Такъ бы и длились эти святые минуты предъ трапезой Господней...

Вотъ и Страстная Пятница. Въ то время я еще ни разу не встрѣчалъ въ кругу своихъ маленькихъ наблюденій человѣка,

который бы равнодушно, неуважительно относился къ этому святому дню. Наша духовная среда—крестьяне върующіе глубоко чтутъ св. страсти, и впечатлѣніе отъ этого дня всегда бывало таково, что всё въ этотъ день проникнуто умиленіемъ, у всѣхъ смолкли житейскіе помыслы... Такому настроенію содѣйствовали мои встрѣчи и проводы великихъ дней въ родномъ погостѣ, куда не доносилось ни шуму городского, ни суеты житейской, и на душѣ было отрадно: впечатлѣнія дѣтства не умерли и живы, длятся и въ новой обстановкѣ, на служебномъ поприщѣ. Даль возгласъ. Утренняя началась. Смотрю въ окно на востокъ и замѣчаю: алфѣтъ заря, сумерки ночи совершенно уже уступаетъ мѣсто свѣту, и ясно воображаю картину знакомую, родную, отъ которой, бывало, умилялось мое дѣтское сердце... Разница только та, что тогда я стоялъ въ алтарѣ у столика и слѣдилъ за возгласами и движеніями родителя, а теперь самъ стою предъ престоломъ Божиимъ и вспоминаю св. Страсти...

Раскрылъ царскія врата, несу Св. Евангеліе на средину храма, а въ рукахъ нѣкоторыхъ уже привѣтливо мигаютъ свѣчки. Раскрылъ св. Книгу и сталъ читать... Трудно выразить словомъ тѣ свѣтлыя чувства, что пробѣгаютъ въ душѣ во время чтенія Страстей Христовыхъ... Онъ, Божественный Страдалецъ, наполняетъ тогда всю душу. Все забыто, все смолкло въ сердцѣ. Если оглянешься на кого случайно, то видишь на лицѣ сосредоточенное вниманіе, и сколько мнѣ потомъ ни приходилось бывать въ разныхъ храмахъ, вездѣ получалось то впечатлѣніе, что русскіе люди еще глубоко трогательно чтутъ сей святой день. И сейчасъ осѣняетъ отрадная мысль, если и теперь, въ наши дни злые, не угасъ еще „страшной свѣтъ“ въ сердцахъ православныхъ, если еще умиляетъ насъ образъ Божественнаго Страдальца, то никакая тьма не загаситъ этого свѣта, никто не отниметъ у насъ святаго возвышающаго душу умиленія, еще не погибнемъ мы!...

Шель домой послѣ утрени, хотя и усталый, но съ отрадою на сердцѣ, что ждутъ впереди: вынось плащаницы, великая суббота заутрени; я крѣпко надѣялся, что волны умиленія опять захватятъ меня и понесутъ къ радостной встрѣчѣ Свѣтлаго дня...

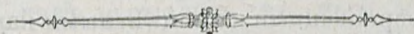
Какая была кругомъ меня тогда, въ сущности, убогая, простая обстановка: людей въ храмѣ мало, пѣніе одинокаго псаломщика, никакого убранства, даже свѣчки предъ иконами рѣдки, но сердце удовлетворялось, не замѣчало убожества обстановки, уходило все во святую службу,—видно не остыло оно тогда еще отъ

хлада житейскаго... Не могу ручаться, что въ настоящее время подобная обстановка не влила бы струю грусти въ свѣтлый потокъ умиленнаго настроенія... Но вотъ тѣмъ то и хороши особенно дѣтство и первая юность, что душа какъ то особенно тогда бываетъ чутка къ возвышенному и прекрасному, и не нуждается во внѣшней обстановкѣ, чтобы переживать свѣтлое настроеніе...

Глубоко, ярко запали въ душу чувства во время литургіи Великой Субботы. Вспомнилась умершая мать: такъ захотѣлось послать ей въ иной міръ глубокой поклонъ любви; слеза невольно скатилась при воспоминаніи, какъ я бывало, еще такъ недавно, съ ней проводилъ великіе дни, читаль ей велухъ дома „Страсти Христовы“ по Евангелію, вспомнились и еще кое-кто изъ знаемыхъ, отошедшихъ въ иной міръ, грусть пролилась въ душѣ, но позвала она сердце помолиться за всѣхъ тѣхъ, кого уже съ нами нѣтъ.

Сердце разгоралось молитвою... Вѣрилось: небо сейчасъ открыто нашимъ воплямъ, Господь имъ внимлетъ, слышать ихъ оттуда и тѣ, кого мы любимъ, по комъ грустимъ... Не знаю, молился ли я когда еще такъ искренно, такъ горячо за усопшихъ, какъ въ ту незабвенную субботу за литургіей св. Василя.. День субботній былъ совсѣмъ весенній, текла уже вторая половина апрѣля, природа въ тотъ годъ проснулась рано и щедро разсыпала свои красоты. Все жило и радовалась, воскресало послѣ зимняго холода и влекло сердце радостно поклониться Тому, Кто Самъ воскресъ изъ мертвыхъ и всему далъ жизнь, воскресеніе, и всѣхъ зоветъ къ Себѣ на вѣчную радость...

О. А.

Раздумье.

(Изъ дневника говѣльницы).

Что за утро сегодня, будто и не вешнее! Густая сѣрая муть такъ заволокла небо, что никакой надежды не даетъ на просвѣтъ. Въ комнатѣ темно, словно надвинулись сумерки. Въ окно уныло смотреть оголенное дерево. Грустно качаются мокрая темно-бурая вѣтви съ сизыми отблесками; видно, сѣтуютъ онѣ, что не выглянуло сегодня свѣтлое солнышко. Сѣтается съ неба какая-то почти незримая мелкая водяная пыль. Что это? Замелькали, какъ искры, снѣжинки; беспорядочно онѣ пересѣкаютъ путь одна другой. Вѣтеръ набѣгами безжалостно треплетъ нагія вѣтви.

Тоску ли свою безысходную онъ хочетъ размыкать, или чувствуетъ, что недолго ему леденить холодомъ и жалъ ему, что мало онъ властвовалъ, и хочется ему подь конецъ наверстать невозвратное время и злобно сорвать свою досаду?...

На вѣтвяхъ медленно набираются капли и, отяжелѣвъ, безсильно отрываются и падаютъ... Такъ плачетъ иногда старикъ. Свыкъся онъ съ горемъ, хоть и понурило оно его голову, хоть и согнуло его дряхлыя плечи. Глубоко въ сердцѣ схоронилъ онъ печаль. И только изрѣдка, когда изъ смутныхъ волнъ минувшаго блѣднымъ призракомъ всплываетъ предъ нимъ скорбное воспоминаніе,—сокрушенно закиваетъ его сѣдая голова, подернется страданіемъ тусклое бурое лицо, и тяжелая слеза медленно сползетъ по морщинамъ на пожелтѣвшей дрогнувшей усь...

Ужъ не осень ли вперила въ меня свои мутныя, безжизненные очи?.. О, сердцемъ моимъ тоже хочетъ завладѣть могильный холодъ, такъ же хочется ему подавить въ немъ ненавистное ему мерцаніе жизни. Страшно...

Вотъ вчера—ярко свѣтило солнце. Что жъ, что бушевали рѣзкій холодный вѣтеръ? Вѣтеръ леденилъ, а солнце грѣло,—сильно, настойчиво. И солнце побѣждало. Ледь таялъ...

Знаю я: можетъ быть—завтра, можетъ быть—черезъ день, черезъ два,—вновь заблещетъ горячее солнце. Обезображенные наготой древесныя вѣтви съ надеждой потянутся къ нему. Вѣдь кому, какъ не солнцу, влить жизнь въ омертвѣвшія вѣтви? Кто, какъ не солнце, возбудитъ въ природѣ ликующій праздникъ?

Отважно встряхнуть лѣса кудрявой зеленой гривой; пестрая риза, осыпанная сверкающими самоцвѣтными камнями, распахнется по лугамъ; легко и сладко вздохнетъ земля впервые послѣ долгаго зимняго обморока, и ея медовое, смолистое дыханіе странной истомой сожметъ чуткую грудь поэта-жаворонка, разбудитъ дремлющія въ ней порывы и звуки... Оторвется онъ отъ земли, безъ слѣда утонетъ въ небѣ... чуждый страстямъ и тревогамъ—исчезнетъ въ солнечномъ сіяніи, сливъ въ одно съ нимъ всю свою душу. И только пѣнь его восторженная, торжественная, побѣдная раздастся тамъ, въ голубомъ необъятномъ просторѣ, прольется серебрянымъ дождемъ на безмолвно притаившуюся въ ожиданіи землю... И чуднымъ хоромъ отзовется она ему въ отвѣтъ, цѣлымъ моремъ жизнерадостныхъ звуковъ грянетъ гимнъ хвалы и благодаренія любимому свѣтлому солнцу!.. Бездна радости, бездна счастья!..

О, какъ бы и мнѣ хотѣлось воспѣть вдохновенную пѣснь счастья своему всеильному, благодатному Солнцу! Вѣдь я счастливѣе тебя, природа! Мое солнце не скрывается отъ меня ночью, не удаляется осенью, когда въ тебѣ ужъ никто не мѣшаетъ вѣтру праздновать свою буйную пирушку, и злорадно онъ хохочетъ, срывая побурѣвшіе листья, и въ дикомъ весельѣ кружить и мчить съ ревомъ свою добычу въ непроглядную безвѣстную мглу... Неизмѣнно свѣтитъ мое Солнце... А между тѣмъ я все же стою подъ напоромъ мертвящаго и растлѣвающаго дыханія холоднаго вѣтра... И вѣтви моей души наги, пусты и бесплодны... О, природа! Ты грустишь и плачешь сегодня... Поплачь же обо мнѣ, мнѣ ужъ слезъ не хватаетъ, чтобы оплакать все мое горе... Погорюй ты, родная, о моей безумной душѣ!.. Вѣдь Солнце милостиво всегда влечетъ ее къ Себѣ Своими лучами, все зоветъ ее: „гдѣ ты?“ А душа отвѣчаетъ Ему, что она стыдится своей наготы и поэтому спряталась отъ Него. Но потому она и обнажена, что сама, безумная, ушла отъ Солнца, и, кабы не Солнце, она и совсѣмъ бы, какъ подгнившее дерево, упала на землю, и потоптали бы ее дикіе звѣри, смѣшали бы ее съ грязью, уничтожили. Но сильна любовь Солнца. Не можетъ она стерпѣть гибели отшатнувшейся отъ нея несчастной души. Щедрымъ снопомъ благодатныхъ лучей гонится она вслѣдъ за ней, обдаетъ ее кроткимъ тепломъ... О, какой неизъяснимый сладостный трепеть испытываетъ тогда душа! Сердце расширяется, почувявъ животворное Солнечное тепло, и рвется оно отвѣтить Ему хвалебной пѣснью, но отъ этого порыва съ особенной рѣзкостью чувствуется ему, какъ вгрызлись въ него крѣпкія цѣпи, которымъ оно само поддалось спутать себя и сковать... И вотъ, вмѣсто восторженнаго клича, изъ сердца вырывается только мучительный стонъ:

Душно мнѣ, тяжело... Какъ мнѣ пѣть Тебя, Свѣтлое Солнце? Что за пѣсня о Солнцѣ въ темницѣ? Хочется пѣть о Солнцѣ, а поется о томъ, что темница не пускаетъ къ Нему... Кто жъ поможетъ мнѣ, какъ не Ты опять, Солнце мое всепрощающее? Сумѣла я сама наложить на себя узы, а чтобы снять ихъ—безъ Тебя—мнѣ нѣтъ силъ!.. Изорвать и сбросить съ себя боготканную одежду—мое было дѣло. А вотъ—покрыть свою наготу, какъ сумбю, если Ты мнѣ не дашь вновь чистую, свѣтлую одежду? Прости же меня, мое великое любвеобильное Солнце, прости, что не могу я, какъ пташка, вспорхнуть съ земли, умчаться въ небо,

чтобъ ничто не мѣшало Твоему сіянью отразиться въ душѣ! О, помоги мнѣ сорвать съ себя ненавистныя узы. Тогда только легко и свободно польется изъ груди моей пѣсня счастья, пѣсня славы Тебѣ, моя Жизнь, моя Радость, мое безконечное Счастье!..

К. Л.

Соціализмъ въ государственномъ и общественномъ отношеніи *).

(Продолженіе).

Х.

Совѣмъ не то происходитъ на континентѣ.

Самъ по себѣ ходъ экономическо-государственнаго развитія, несмотря на то, что соціализмъ отвлекалъ огромное количество силъ общества и народа отъ творческой соціальной работы, и вѣчными угрозами революціи заставлялъ государство тратить множество силъ и средствъ на охрану вѣчно угрожаемаго и непрерывно нарушаемаго общественнаго спокойствія,—несмотря на это неблагоприятное условіе, ходъ развитія общественности сталъ все болѣе обнаруживать невѣрность теоріи соціального демократизма. Предсказываемое Марксомъ и Энгельсомъ превращеніе всего народа въ пролетаріевъ—не осуществлялось. Число собственниковъ не уменьшалось, а возрастало, концентрація капиталовъ въ производствѣ шла довольно туго, мелкое производство обнаруживало большую способность выживать и бороться за существованіе съ крупнымъ.

Приведу нѣкоторыя данныя по этому предмету.

Въ области земледѣлія въ Бельгіи количество земель въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ *утроилось*, крупное же землевладѣніе *уменьшилось*. Во Франціи мелкое землевладѣніе также увеличилось. Въ Англии, гдѣ собственно землевладѣніе еще со временъ Вильгельма Завоевателя попало въ руки 60.000 человекъ,—у крестьянъ въ собственности немного земель, но обработка ея развивается въ видѣ мелкихъ хозяйствъ, на которыя приходится 66%⁰/₁₀ всей земли, тогда какъ на крупныя хозяйства

*) Опечатка. Въ предыдущемъ № 14 въ мою статью вкралась важная опечатка. На Бельфастскомъ съѣздѣ Рабочихъ Союзовъ включеніе социалистическихъ требованій въ программу было отвергнуто не 650,000 голосовъ, какъ напечатано, а 950,000 голосовъ противъ 98,000.

всего $2\frac{1}{2}\%$ земли. Капиталистическое хозяйство не обнаруживает способности одолѣть крестьянина, напротивъ число гигантскихъ хозяйствъ уменьшается. Въ Германіи точно также крестьянское хозяйство захватываетъ все большее количество земли, увеличившись за послѣдніе 15 лѣтъ на 30% . Крупное же хозяйство сокращается. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Бернштейнъ, что во всей западной Европѣ и въ восточной Америкѣ— всюду растетъ мелкое и среднее хозяйство, и понижается крупное и исполинское“.

Та же устойчивость мелкаго и средняго производства проявилась и въ обрабатывающей промышленности.

Въ Германіи крупная промышленность къ 1895 году не могла собрать на фабрикахъ болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ рабочихъ. Въ 1895 г. изъ $10\frac{1}{2}$ милліоновъ рабочихъ Германіи крупная промышленность занимала лишь $3\frac{1}{3}$ милліона. Средней же величины заведенія $2\frac{1}{2}$ милліона, мелкія (ниже 5 человѣкъ) $4\frac{1}{2}$ милліона. Да сверхъ того имѣлось $1\frac{1}{4}$ милліонъ ремесленниковъ. Притомъ число рабочихъ на мелкомъ и среднемъ производствѣ прямо возрастаетъ. На мелкомъ (до 5 чел.) въ 1882 г. было 2.400.000 рабочихъ, а въ 1895 г. 3.056.000 ч. Въ предпріятіяхъ до 10 чел. рабочихъ было 500.000 чел., а стало 830.000.

Концентрація рабочихъ и повсюду подвигается плохо. Во Франціи на 1 хозяина теперь приходится въ среднемъ всего 3 рабочихъ. Въ Австріи—на 1 хозяина по 4 рабочихъ.

Распредѣленіе собственности также становится правильнѣе. Въ Саксоніи въ 1870 г. почти 80% населенія получало менѣе 800 марокъ въ годъ, а въ 1894 г. меньше 800 марокъ получало лишь 64% населенія, тогда какъ число зажиточныхъ возросло съ 20% на 36% . Въ Пруссіи число населенія возросло *вдвое*, а число зажиточныхъ въ *семь разъ*. Вообще рядъ данныхъ показываетъ, что существующій строй постепенно улучшаетъ положеніе народа, и что количество пролетаріата относительно уменьшается.

Казалось бы, такая тенденція естественнаго хода вещей должна была побудить социалистовъ оставить ложную теорію и присоединить свои усилія къ тому, чтобы еще болѣе увеличить и ускорить ходъ возрастанія народнаго благосостоянія. Но социальная демократія, совершенно наоборотъ, тутъ-то и начинаетъ торопиться произвести социалистическій переворотъ.

При этомъ уже откровенно заявляется, что социальная демократія должна будетъ бороться *противъ всей націи*, и, такъ ска-

зять, намѣрена завоевать ея, соотвѣтственно съ чѣмъ располагаются и средства дѣйствія.

„Одна изъ особенностей современнаго положенія, говоритъ Каутскій, являющійся теперь официальнымъ публицистомъ партіи, заключается въ томъ, что въ настоящее время мы (соціалъ-демократическая партія) встрѣчаемъ наиболѣе упорное сопротивленіе *не со стороны правительства*“. „Въ прежнихъ революціяхъ принимала участіе вся нація, объектомъ же нападенія было только правительство“. Теперь все измѣнилось. „Революціонные слои не являются, какъ было при прежнихъ революціяхъ, представителями огромнаго большинства народа противъ горсти эксплуататоровъ, а являются въ сущности представителями лишь одного класса, противъ котораго стоятъ не только всѣ эксплуатирующіе классы, но и большинство мелкихъ буржуа, и крестьяне, и большая часть интеллигенціи“, короче: *весь народъ* („Соціальный переворотъ“).

„Особенность“ эта такъ важна, что при нѣкоторомъ уваженіи къ челоѳическому праву, тѣ люди, которые сами сознаются, что противъ нихъ вся нація, были бы обязаны отказаться отъ революціи, которая въ такихъ обстоятельствахъ является противупароднымъ преступленіемъ.

Но соціалъ-демократическая публицистика заботится лишь о томъ, чтобы доказать своей партіи возможность захвата власти даже и при этомъ условіи. Каутскій указываетъ, что соціалъ-демократы лучше организованы, тогда какъ остальные слои народа раздроблены, указываетъ, что у соціалъ-демократовъ больше мужества и рѣшительности, чѣмъ у другихъ, и что сверхъ того для произведенія переворота—они могутъ воспользоваться „благопріятными обстоятельствами“. Такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ выставляется напримѣръ внѣшняя война, когда правительство, обремененное тяжелой защитой отъ непріятели, оказывается слабымъ для отраженія внутреннихъ враговъ. Другимъ условіемъ указывается *всеобщая забастовка*. Я упоминалъ, что эта идея являлась въ порывѣ раздраженія и у англійскихъ рабочихъ, въ то время, когда они еще находились подъ вліяніемъ социализма. Но здравый смыслъ и общественное чувство скоро показали англичанамъ, что борясь такими средствами они могутъ только погубить общество, и съ нимъ самихъ себя. У современныхъ же соціалъ-демократовъ и черезъ 70 лѣтъ можетъ восхваляться и рекомендоваться подобный способъ борьбы. Такъ, по

поводу русских забастовокъ г-жа Роландъ Гольстъ, по рекомендаціи Каутскаго, написала цѣлый трактатъ о всеобщей забастовкѣ. При этомъ она говоритъ: „Путемъ всеобщей забастовки русскіе пролетаріи разрушили силы враговъ. Путемъ стачки они сдѣлали невозможнымъ существованіе и какую бы то ни было дѣятельность, внесли въ общественную жизнь безпорядокъ и неустойчивость, доведшіе общество до невыносимаго состоянія, понизили доходы государства и навязали ему новые расходы, заставили войска и полицію нести изнурительную службу и т. д. („Всеобщая стачка и социаль-демократія“).

Такая пропаганда, поощряющая человѣка хвалиться количествомъ страданій, причиненныхъ имъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и всему обществу, составляетъ пропаганду истиннаго человѣконенавистничества, и разрушаетъ всякую тѣнь общественной нравственности. Дошедши до такого состоянія, социалистическая идея превращается въ нѣчто неслыханно-реакціонное, отдвигающее человѣчество къ самымъ варварскимъ временамъ. При достигнутой степени культурнаго развитія, мы не признаемъ голого права силы даже въ международныхъ отношеніяхъ, не можемъ признать правоты монголовъ, на примѣръ, только изъ-за того, что они были сильнѣе раздробленной междуусобіями Россіи. Соціальная же демократія рекомендуетъ миллиону рабочихъ сплотиться такъ искусно, чтобы оказаться сильнѣе всей націи, и потомъ подчинить ее силой своему режиму. Мы считаемъ недопустимой измѣну тому обществу, въ которомъ приняли права гражданства. Соціальная демократія рекомендуетъ напасть на свою страну во время внѣшней войны, то-есть когда обязанность гражданина состоитъ въ томъ, чтобы, забывъ внутренніе споры, стать дружно за общій интересъ націи. Но становясь на такую почву, социалистическая доктрина разрушаетъ не только современное общество, а дѣлаетъ невозможнымъ какую бы то ни было общественность. Она разрушаетъ самую способность людей жить въ обществѣ и созидать общество.

Для человѣка, не ослѣпленнаго страстью, ясно, что, воспитывая въ людяхъ полное презрѣніе къ праву другихъ и даже къ праву національному,—нельзя изъ такихъ лицъ создать новаго общества. Характеръ и привычки, сложившіеся на такихъ понятіяхъ и на дикой борьбѣ, поправшей ногами всѣ принципы,—не могутъ не передаваться всѣмъ окружающимъ, а ужъ тѣмъ болѣе укрѣпляются у самихъ социалистовъ. Если бы они и успѣли

побѣдить и захватить въ свои руки современное государство, то они будутъ проявлять въ новомъ обществѣ тѣ же качества, которыя воспитала въ нихъ социаль-демократія. Привыкнувши къ презрѣнію права личнаго и общечеловѣческаго, они неизбежно будутъ также коварно измѣнять и социалистическому обществу, если въ немъ что-либо имъ не понравится, будутъ позволять себѣ такія же насилія надъ новымъ обществомъ. Такіе люди всякое общество, старое или новое, превратятъ въ арену взаимныхъ коварныхъ нападеній, взаимнаго разрушенія и междуусобицъ. Свобода и благосостояніе возможны только среди людей, которые проникнуты уваженіемъ къ общему праву, и во взаимной борьбѣ не позволяютъ себѣ доходить до его нарушенія.

Это всецѣло относится и къ идеѣ всеобщей забастовки. Стачка, забастовка, вполне понятны, какъ орудіе частной борьбы между двумя враждующими частными силами: рабочими и предпринимателями. Но *всеобщая забастовка* обращаетъ частную или классовую борьбу противъ всего общества. Это уже составляетъ попраніе общественнаго права, и толкать рабочихъ на такой путь—значитъ развивать въ нихъ чувства эксплуататоровъ.

Во всеобщей стачкѣ воспитывается такой эгоизмъ, какой рѣдокъ даже среди самыхъ типичныхъ эксплуататоровъ.

Здѣсь человѣкъ, во-первыхъ, приучается хладнокровно причинять страданія всеѣмъ окружающимъ, безъ всякаго вниманія даже къ тому, враги ли они ему. Нужно вспомнить, какими страшными бѣдствіями и лишеніями всеобщая забастовка падаетъ на всѣхъ непрічастныхъ борьбѣ, неповинныхъ ни въ какой эксплуатаціи, не говоря уже о старикахъ, больныхъ, дѣтяхъ и т. д.

Исторія передаетъ, какъ примѣръ благороднаго человѣколюбія, поступокъ короля Генриха IV, который доставлялъ хлѣбъ въ Парижъ, осажденный имъ во время гражданской войны. Вотъ какіе люди и какія чувства способны созидать общество! Уничтожить же въ своемъ сердцѣ всякую искру человѣчности—это значитъ губить общество.

Подрывая общую нравственность въ человѣкѣ, идея всеобщей забастовки, вообще забастовки предпріятій общественно-необходимыхъ, подрываетъ сверхъ того въ рабочемъ человѣкѣ главное его украшеніе: трудовую нравственность, профессиональную этику. Трудящійся человѣкъ именно этимъ чувствомъ выше нетрудящагося. Трудовая этика говоритъ намъ, что мы своей

работой не только получаемъ сами средства къ жизни, но распространяемъ благо на всѣхъ людей, служимъ человѣчеству, являемся въ трудѣ своемъ общественными дѣятелями. Этимъ чувствомъ святъ нашъ трудъ. Онъ есть наша нравственная обязанность передъ человѣчествомъ, онъ есть наша помощь на только знаемымъ, но и незнаемымъ, всѣмъ человѣческимъ существамъ. Но какія противоположныя чувства прививаетъ намъ идея всеобщей забастовки! Репортеръ „Русскаго Голоса“ (3 марта, № 51) рассказывалъ уличную сцену изъ забастовки городскихъ трамваевъ. Забастовка кончилась, но появились агитаторы, горько упрекавшіе своихъ товарищей въ измѣнѣ. Тѣ отмалчивались или говорили:

— У меня, вонъ, семеро; всѣ просятъ ѣсть... Вотъ и бастуй...

Этотъ бѣдный человѣкъ помнить, что у него семеро дѣтей... Изъ-за ихъ голоднаго писка онъ прекратилъ забастовку. Но какъ же ни онъ, ни агитаторы, упрекающіе его, не потрудятся вспомнить, что тысячи семействъ, у которыхъ тоже дѣти ѣсть просятъ, поставлены въ самое тяжкое положеніе отсутствіемъ конокъ и трамваевъ? Какъ же рабочему или другому служащему въ время попасть на работу? А онъ изъ-за опозданій иной разъ можетъ и совсѣмъ потерять мѣсто. Дѣти же и у него пищать, ѣсть просятъ. Но ни о чемъ подобномъ этотъ кондукторъ не думаетъ. Онъ думаетъ или о прибавкѣ жалованья, или о томъ, чтобы вовсе не потерять жалованья, а какъ это отражается на судьбѣ другихъ людей—ему все равно. Въ такомъ человѣкѣ—уже подорвана трудовая этика. Онъ уже не имѣетъ самаго высокаго чувства работника.

А что сказать, когда рабочіе, поставленные на водопроводѣ, начинаютъ грозить пресѣченіемъ воды для жителей? Вѣдь это хуже измѣны на войнѣ.

Если бы мы превратились въ людей, забывшихъ трудовую нравственность—то между нами возможна только взаимная эксплуатация, грызня и рѣзня. Съ такими людьми нечего и толковать о какомъ-нибудь лучшемъ строѣ жизни. Чувствомъ профессиональной этики наша общественность держится, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какимъ другимъ, потому-что въ трудѣ своемъ человѣкъ является общественнымъ дѣятелемъ не разъ въ годъ, не только на какихъ-нибудь выборахъ, а ежедневно и ежечасно. И вотъ это-то сознание общественнаго значенія нашего труда, сознание того, что онъ имѣетъ своей задачей не замариваніе, а постоян-

ное оживотвореніе всего окружающаго, заставляють забывать новѣйшіе социалисты.

Ставя своимъ идеаломъ коммунизмъ, они сами заставляютъ людей забывать, что нашъ трудъ—не есть только наше частное или партійное дѣло, но общественное и общечеловѣческое. Говоря объ обобществленіи всѣхъ отношеній, они разрѣшаютъ насиліе надъ обществомъ. Говоря объ трудовомъ обществѣ, они уничтожаютъ трудовую этику.

Но вырабатывая такихъ людей, которые утрачиваютъ уваженіе къ другимъ людямъ, къ обществу, къ человѣческому праву, что же можно создать? Если люди уже ни на кого не въ состояніи будутъ положиться, если, напримѣръ, при самомъ социалистическомъ строѣ хранители общественныхъ складовъ, устроятъ забастовку въ раздачѣ продуктовъ, или въ доставленіи фабрикамъ электрической силы, какое же возможно общество? Тутъ, послѣ долгой рѣзни, всѣ могутъ лишь притти къ заключенію, что невозможно жить иначе, какъ создавъ какой-нибудь страшный центральный деспотизмъ, который грознымъ принужденіемъ, карой и вѣчнымъ надзоромъ за всѣми и каждымъ замѣнилъ бы дѣйствіе погибшей въ людяхъ нравственности, гуманности и сознанія своего общественнаго долга.

Когда вспоминаешь первые фазисы социализма въ началѣ XIX вѣка, вспоминаешь эти горячія обличенія эксплуатаціи и безчеловѣчія, горячіе призывы къ человѣческой солидарности, и сравниваешь эти прежнія рѣчи съ нынѣшними воззваніями къ борьбѣ противъ всего общества, во имя своей партійной программы, съ забвеніемъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, съ призывомъ морить не только враговъ, а всѣхъ, кто попадетъ, голодомъ и жаждой,—то нельзя не видѣть страшнаго регресса. Идея, призывавшая къ обновленію міра, превратилась въ идею, возвращающую его къ самымъ первобытнымъ временамъ дикости, когда человѣкъ еще не умѣлъ сознать брата въ другомъ человѣкѣ. Именно это и приводитъ теперь многихъ въ ужасъ передъ социализмомъ, какъ передъ носителемъ гибели общественности, а стало быть и всей культуры.

Я долженъ однако же сказать, что когда какое-либо ученіе или общественное движеніе доходитъ до такихъ отчаянныхъ средствъ дѣйствія, то это показываетъ не возрастаніе его силы, а внутреннее сознаніе, что дни его сочтены. Сила всегда великодушна, и то ученіе, которое ее имѣетъ—не станетъ себя

компрометировать безчеловѣчїемъ или измѣною. Новѣйшая тактика социализма явилась, я полагаю, только оттого, что онъ уже видитъ свое ослабленіе, видитъ, что человѣчество уже нашло пути къ обновленію безъ него и начинаетъ все болѣе переходить на эти пути.

Едва ли поэтому можно сомнѣваться, что—какъ ни грозны по приносимымъ бѣдствїямъ движенія современнаго социализма—они выражаютъ не усиленіе, а упадокъ социалистической идеи. По всей вѣроятности, рабочіе европейскаго континента теперь переживаютъ тотъ періодъ, который переживали англичане въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка, и по всей вѣроятности придуть къ тѣмъ же заключенїямъ и рѣшенїямъ, которыми революціонное социалистическое движеніе закончилось тогда у англїйскихъ рабочихъ: то-есть къ рѣшимости бороться за свои интересы не путемъ разрушенія общества, не путемъ переворота, а путемъ систематическаго улучшенія существующаго строя, путемъ дѣйствительнаго осуществленія въ немъ вѣчныхъ основъ общественности.

Л. Тихомировъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Послѣднее слово пастыря своимъ прихожанамъ *).

Возлюбленныя чада мои!

Вотъ уже почти двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, еще молодой и неопытный, ѣхалъ къ вамъ, чтобы принять на себя трудное и отвѣтственное дѣло быть вашимъ духовнымъ отцомъ и руководителемъ. Я ѣхалъ полный надеждъ, въ головѣ моей роились разнообразныя планы относительно предназначенной мнѣ Господомъ Богомъ дѣятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мое сердце ощущало нѣкоторое безпокойство, нѣкоторую тревогу. Среди радостныхъ надеждъ въ моемъ умѣ иногда мелькала тревожная мысль: какъ-то меня примутъ тѣ, кому уготовано Богомъ быть мнѣ духовными чадами? сумѣю ли я понять ихъ желанія и духовныя потребности? не будутъ ли они съ недоуверїемъ отно-

*) Рѣчь, сказанная священникомъ Воскресенской, села Клокова, Подольскаго уѣзда, церкви Адрианомъ Ключаревымъ при оставленїи имъ своего прихода, въ слѣдствїе переимѣненія священникомъ Архангельскаго, села Архангельскаго Николаевъ, церкви, Московскаго уѣзда.

ситься къ моимъ лучшимъ намѣреніямъ и препятствовать мнѣ въ ихъ осуществленіи? И эта тревожная мысль заставляла мучительно сжиматься мое сердце. Но я стремился отогнать отъ себя эту черную мысль, старался увѣрить себя, что простой крестьянскій народъ не можетъ не сочувствовать хорошимъ намѣреніямъ, что простые и безхитростныя сердца крестьянъ вполне поймутъ и оцѣнятъ ихъ. Господь поможетъ мнѣ, думалъ я, потому что я иду на дѣло отъ Его имени. И Онъ помогъ мнѣ. Тѣ долгіе двадцать лѣтъ, которые я провелъ среди васъ и которые прошли для меня такъ скоро,—эти двадцать лѣтъ показали мнѣ, что я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ вы сочувственно откликались на всякій мой призывъ къ вамъ, помогали осуществиться веѣмъ самымъ лучшимъ моимъ начинаціямъ. Зато и я, съ своей стороны, постоянно старался быть вашимъ истиннымъ отцомъ и любилъ васъ, какъ истинныхъ дѣтей своихъ. Я твердо помнилъ слова Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, что, кто хочетъ быть первымъ, долженъ быть веѣмъ слугой. Я помнилъ и собственный примѣръ Спасителя, умывшаго ноги Своимъ ученикамъ. Поэтому я, желая быть вашимъ отцомъ и руководителемъ, старался быть вашимъ слугой.

Милосердый Господь Богъ предназначилъ мнѣ быть среди васъ не только священникомъ, но и учителемъ въ вашей школѣ, такъ что я имѣлъ возможность самъ въ лицѣ вашихъ дѣтей подготавливать себѣ истинныхъ чадъ. На землю, которую вы обрабатываете, я смотрѣлъ какъ на общую нашу мать-кормилицу, которая заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ неисчислимыя и богатыя сокровища. Поэтому я своимъ собственнымъ примѣромъ старался побуждать васъ съ любовію относиться къ ней и извлекать изъ нея возможно больше ея сокровищъ. Я такъ же, какъ и вы, обрабатывалъ ее, то пользуясь вашими указаніями, то самъ давая совѣты. Однимъ словомъ, я жилъ общою съ вами жизнью, у меня были съ вами общія радости и печали.

Двадцать лѣтъ общей жизни! Какое долгое время и какъ оно быстро и незамѣтно прошло! Живя такъ долго общою жизнью съ вами, я успѣлъ вполне узнать васъ, сродниться съ вами и полюбить васъ. И отрадно было мнѣ видѣть, что и я пользуюсь любовью и довѣріемъ съ вашей стороны. Какъ сейчасъ я помню, напримѣръ, съ какимъ сочувствіемъ вы отнеслись къ моему предложенію взять въ свои семьи несчастныхъ дѣтей, вырванныхъ изъ мрачныхъ трущобъ московскаго Хитрова рынка!

Какъ мнѣ было отрадно тогда видѣть въ своихъ духовныхъ чадахъ готовность поддержать меня въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ спасеніе этихъ дѣтей отъ когтей бѣдности и пороковъ! Съ тѣхъ поръ вы мнѣ стали еще болѣе близки. И теперь, когда Богъ призываетъ меня на служеніе Ему въ другомъ приходѣ, я не боюсь уже за этихъ несчастныхъ малютокъ. Я увѣренъ, что вы не оставите ихъ и будете и безъ меня по прежнему любить ихъ и заботиться о нихъ.

Но, можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ спроситъ: почему же я оставляю васъ, которыхъ такъ люблю, съ которыми такъ сроднился, ухожу отъ васъ вопреки вашему желанію?.. На это я отвѣчу, что я самъ съ радостью до конца своей жизни остался бы съ вами, возлюбленные чада мои. Но моя совѣсть, мое чувство долга побуждаетъ меня оставить васъ, заставляетъ меня не слѣдовать личнымъ чувствамъ привязанности. Я слышу внутри себя голосъ, призывающій меня служить святому дѣлу въ другомъ мѣстѣ. Развѣ не долженъ я, возлюбленные, посѣявши среди васъ добрыя сѣмена, итти сѣять ихъ въ другое мѣсто, а не наслаждаться спокойно созерцаніемъ всхода сѣмянъ? Развѣ я не долженъ слѣдовать примѣру Спасителя, Который не оставался на одномъ мѣстѣ, а училъ по всей странѣ и св. апостоламъ заповѣдалъ по всей землѣ распространять Его спасительное ученіе? И тѣ бѣдныя дѣти, которыхъ вы пріютили у себя,—развѣ они не побуждаютъ меня итти въ другое мѣсто проповѣдывать къ нимъ ту же любовь, которую я насадилъ среди васъ? Вы уже имѣете эту любовь и можете продолжать святое дѣло и безъ меня, а я долженъ итти устраивать такихъ же несчастныхъ дѣтей и въ другихъ мѣстахъ. Среди васъ я посѣялъ все, что могъ посѣять, и мой премникъ будетъ продолжать мое дѣло среди васъ, влагая въ него новыя силы и проводя въ жизнь свои лучшія намѣренія. Меня же призываетъ Богъ въ другомъ мѣстѣ сѣять то, что я посѣялъ среди васъ, и я долженъ исполнить этотъ „долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ грѣшному“. Съ другой стороны, къ тому же меня зоветъ мой долгъ въ отношеніи къ моей семьѣ, къ моимъ дѣтямъ. Я долженъ воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они были *лучшими* работниками на нивѣ Вожіей, чѣмъ былъ я; я долженъ облегчить имъ путь и дать имъ возможность *скорнѣ* достигнуть того, чего я достигалъ путемъ всей своей жизни. Въ этомъ—прогрессъ человѣчества. Но тѣхъ незначительныхъ средствъ, какими я здѣсь располагаю и которыхъ

было прежде для меня и моей семьи достаточно,—этихъ средствъ теперь слишкомъ мало. Поэтому, мой долгъ передъ моими дѣтьми—пожертвовать своею любовью къ вамъ, чтобы дать имъ больше средствъ развить ихъ силы и способности на служеніе Церкви и Отечеству. Объ этомъ вы слишкомъ хорошо знаете и потому я много говорить не буду. Итакъ, вотъ что побуждаетъ меня, несмотря на мою любовь къ вамъ, оставить васъ. Богъ призываетъ меня принести эту любовь въ жертву моему долгу въ отношеніи другихъ людей, въ отношеніи несчастныхъ покинутыхъ дѣтей и въ отношеніи моей семьи.

Итакъ, прощайте, родныя для меня села, гдѣ я провела лучшіе годы моей жизни! Прощай, свѣтлый храмъ, гдѣ я привыкъ возносить къ Богу горячія молитвы! Прощайте, милыя дѣти, такъ довѣрчиво и внимательно слушавшія меня въ школѣ и посѣщавшія школу несмотря ни на дождь, ни на морозъ, ни вьюгу! Прощайте всѣ вы, духовныя чада мои, съ которыми я такъ сроднился, съ которыми привыкъ дѣлить свои радости и печали! Прощай и ты, земля, такъ долго кормившая и поившая меня! Молитесь за меня, возлюбленные дѣти мои, чтобы и въ новомъ мѣстѣ я встрѣтилъ такое же довѣріе къ себѣ, такое же сочувствіе и поддержку въ моихъ добрыхъ начинаніяхъ, какія я нашелъ среди васъ! Помните все, что я говорилъ вамъ—какъ всѣмъ вмѣстѣ, такъ и порознь каждому! Помните завѣтъ Христа и любите другъ друга! Миръ да будетъ между вами! Не забывайте и тѣхъ несчастныхъ малютокъ, которыхъ вы пріютили у себя! продолжайте любить ихъ и, когда для васъ возможно, принимайте новыхъ дѣтей, такъ какъ, принимая ихъ, вы принимаете Самого Христа! Не забывайте и меня, чтобы не порвалась духовная связь между нами! Къ новому же вашему духовному отцу я прошу васъ съ самаго начала отнестись съ довѣріемъ и оказывать поддержку его благимъ начинаніямъ, такъ какъ я самъ испыталъ, какое важное это имѣетъ значеніе. А теперь, возлюбленные мои, помолимся вмѣстѣ послѣдній разъ Господу Богу, сольемъ наши души воедино и вмѣстѣ съ горячими молитвами вознесемъ ихъ на небо! Это будетъ лучшей способъ нашего прощанія. Вознесемъ къ Богу наши мысли и чувства и предадимъ себя въ руцѣ Господа!

Господи! да будетъ воля Твоя!

Свящ. А. Ключаревъ.

Праздникъ Алексіевскаго Братства.

8 апрѣля, въ храмѣ св. Владиміра, въ Епархіальномъ домѣ, предѣвателемъ Алексіевскаго Братства, преосвященнымъ Серафимомъ, епископомъ Можайскимъ, въ сослуженіи съ оо. архимандритами Гавріиломъ, Алипіемъ, Аванасіемъ, Веніаминомъ, Игнатіемъ, протоіереемъ А. В. Никольскимъ, іеромонахами Евгениемъ, Анатоліемъ и настоятелемъ церкви Епархіальнаго дома В. И. Востоковымъ была совершена Божественная литургія по поводу третьей годовщины открытія епархіальнаго святителя Алексія Братства призрѣнія и воспитанія безпріютныхъ и нравственно-покинутыхъ дѣтей, при пѣніи дѣтей, призрѣваемыхъ Братствомъ. вмѣсто причастнаго стиха, было произнесено слово священникомъ Востоковымъ, въ которомъ онъ указавъ на тѣ болота и притоны въ нашей общественной жизни, какъ притоны Хитрова рынка и проч., что засасываютъ малютку въ пучину порока, умолялъ общество протянуть имъ руку помощи, чтобы извлечь изъ этого бѣдственнаго положенія. Указавъ на цѣли и задачи Братства, о. Востоковъ напомнилъ о христіанскомъ долгѣ и возставалъ противъ равнодушія общества. „Если не убоимся суда Божія,—говорилъ онъ,—то убоимся, что готовимъ себѣ преступниковъ въ лицѣ этихъ безпріютныхъ дѣтей“, и призывалъ къ помощи и участію Братству. Послѣ литургіи слѣдовало благодарственное торжественное молебствіе, совершенное преосвященнымъ предѣвателемъ Братства въ сослуженіи многочисленнаго духовенства.

Послѣ богослуженія и по исполненіи хоромъ дѣтей пѣснопѣнія: „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“, состоялось общее собраніе Братства, которое выслушало и утвердило отчетъ Братства за истекшій годъ. Затѣмъ священникомъ А. И. Ключаревымъ было сообщено о цѣлесообразности помѣщенія въ крестьянскія семьи дѣтей, призрѣваемыхъ Братствомъ. Послѣ того Предѣватель доложилъ собранію о выборахъ въ члены совѣта за истеченіемъ трехлѣтія; избранными оказались: протоіерей А. В. Никольскій, священникъ Е. І. Троицкій, священники І. Ѳ. Горскій и В. И. Востоковъ, сенаторъ А. Н. Поповъ, С. П. Разумихина, г-жа Апуш-

кина и М. И. Мишинъ. Въ члены ревизионной комиссiи избраны: священникъ В. Г. Кедровъ, священникъ Н. Н. Соловьевъ и справщикъ Московской Синодальной типографiи А. Н. Соловьевъ. Въ пожизненные члены Братства избранъ по предложенiю преосвященнаго Серафима, первый предсѣдатель и учредитель Братства преосвященный Паренiй, бывшiй епископъ Можайскiй, а нынѣ Подольскiй и Брацлавскiй, которому и послана о семъ телеграмма.

Въ заключительномъ словѣ преосвященный Серафимъ высказалъ, по поводу избранiя преосвященнаго Паренiя, что послѣ оставленiя имъ званiя предсѣдателя, Братство одно время оставалось какъ бы безъ кормчаго и должно было бы распасться по неимѣнiю средствъ, но неожиданно на помощь явился Небесный Кормчiй въ лицѣ преподобнаго Саввы, Звенигородскаго чудотворца, и Саввинское подворье, несмотря на то, что само находится въ крайне печальныхъ матеріальныхъ условiяхъ, протянуло руку помощи несчастнымъ дѣтямъ и не дало Братству распасться. Благотворители также поддерживали это начинанiе, и въ отчетномъ году особое попеченiе о дѣтяхъ проявляли члены совѣта: С. Д. Войтъ, О. Н. Сиверсъ, С. П. Разумихина, iеромонахъ Анатолiй и др., которые просили не упоминать своихъ именъ; всѣмъ имъ симъ высказывается благодарность. Въ заключенiе преосвященный Серафимъ высказалъ увѣренность, что при добромъ сочувствii со стороны общества, Братство будетъ развиваться, и дѣти, подобранныя на Хитровомъ рынкѣ, станутъ хорошими дѣтьми.

По окончанiи собранiя была послана привѣтственная телеграмма Высокопреосвященному Владимiру, митрополиту Московскому.

На торжествѣ присутствовали, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ: преосвященный Анастасiй, епископъ Серпуховской, епархiальный наблюдатель школъ А. Д. Италинскiй, начальникъ женскихъ гимназiй Н. В. Аратовскiй, д. с. с. И. А. Колесниковъ, П. М. Мотовъ, Н. П. Кюмаровъ, И. М. Глаголевъ, архитекторъ И. И. Поздѣвъ, г. Халанекiй, В. Б. Спиридонова, П. Н. Парубцева, А. В. Левина и др.

Священникъ *Горскiй*.

Лѣтопись епархіальной жизни.

Освященіе придѣла въ селѣ Перовѣ. Въ воскресенье, 1 апрѣля, совершено освященіе вновь устроеннаго придѣла во имя преподобнаго Серафима въ селѣ Перовѣ.

Въ селѣ Перовѣ былъ храмъ холодный, сооруженный при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ около ея, теперь уже не существующаго дворца. Къ этому храму въ прошломъ столѣтіи былъ пристроенъ небольшой придѣлъ во имя святителя Николая.

Вопросъ о постройкѣ давно нужнаго въ дачной мѣстности просторнаго храма все оттягивался и рѣшенъ былъ только благодаря инициативѣ инженера Экарева и при матеріальномъ содѣйствіи со стороны старосты Пріятелева.

Храмъ построенъ весь заново, трехъ-придѣльный во имя святителя Алексія, святителя Николая (придѣлъ старый былъ весь разобранъ) и преподобнаго Серафима—каменный необыкновенно массивной кладки.

Вновь поступившій въ Перово священникъ П. Смирновъ засталъ храмъ еще недоконченнымъ, вчернѣ.

Главный придѣлъ освященъ 10 декабря 1906 г. преосвященнымъ Серафимомъ. Служеніе святителя и его теплое слово произвели сильное впечатлѣніе на прихожанъ, смущенныхъ, какъ извѣстно, антиправительственною проповѣдью.

1-го апрѣля совершено освященіе послѣдняго придѣла, и Перово теперь имѣетъ благоустроенный обширный храмъ, и притомъ во имя святителя Алексія, строго каравшаго возстающихъ противъ верховной власти (посланіе имъ препод. Сергія въ Н.-Новгородѣ), на что и было обращено вниманіе прихожанъ мѣстнымъ священникомъ П. Смирновымъ въ его словѣ при освященіи придѣла во имя преподобнаго Серафима 1-го апрѣля.

Паннихида по Великому Князѣ. 10 апрѣля, въ 2¹/₂ часа дня, отъ Отдѣла по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія была совершена паннихида у гробницы въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Сергѣя Александровича. Паннихиду совершалъ Предсѣдатель Отдѣла, протоіерей І. Н. Бухаревъ, соборнѣ, при участіи хора пѣвчихъ.

На паннихидѣ присутствовала Ея Императорское Высоче-

ство Великая Княгиня Елисавета Θεодоровна. Въ храмѣ-усыпальницѣ находились также члены Отдѣла.

Въ Бозѣ почивающій Великій Князь съ большимъ сочувствіемъ относился къ дѣятельности Отдѣла и Великая Княгиня сдѣлала взносъ въ 300 руб. въ фондъ Отдѣла, для бесплатнаго распространенія духовно-нравственныхъ книгъ въ народѣ.

Присоединеніе къ православію. Въ воскресенье 1 апрѣля, въ храмѣ св. Девяти мучениковъ, близъ Прѣсени, совершено было присоединеніе къ Православной Церкви—еврейки Фрешкопъ, 18 лѣтъ.

Таинство крещенія надъ означенной Фрешкопъ, — съ нареченіемъ ей имени Евгеній, — совершилъ приходскій священникъ о. Забавинъ. Тотчасъ послѣ совершенія таинства крещенія, началась Божественная литургія, во время которой новопросвѣщенная стояла съ зажженною свѣчей предъ иконою Спасителя и въ положенное время удостоилась причащенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

По окончаніи литургіи о. Забавинъ обратился къ новопросвѣщенной съ глубокопрочувствованнымъ словомъ. За богослуженіемъ храмъ былъ переполненъ массою богомольцевъ, на которыхъ это духовное торжество произвело глубокое впечатлѣніе.

Засѣданіе Церковно-Археологическаго Отдѣла при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Во вторникъ 27 марта состоялось засѣданіе Церковно-Археологическаго Отдѣла при Обществѣ Люб. Дух. Просвѣщенія.

Въ началѣ засѣданія было доложено, что на докладѣ Отдѣла Его Высокопреосвященству съ представленіемъ отчета за 1906 г. Владыкѣ Митрополиту благоудно было положить слѣдующую резолюцію отъ 24 марта: „Полученъ отчетъ и съ удовольствіемъ прочитанъ. Объявить Отдѣлу мою благодарность, особенно за изданія его и ученые труды его членовъ“. Милостивыя архипастырскія слова были выслушаны присутствовавшими въ засѣданіи съ чувствомъ глубочайшей признательности за такое вниманіе Его Высокопреосвященства къ посильной дѣятельности Отдѣла.

Затѣмъ, архитекторъ С. К. Родіоновъ прочиталъ свой рефератъ о Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Изложивъ краткую исторію собора, референтъ подробно остановился на послѣдней его реставраціи 1894 г., въ которой былъ производителемъ работъ, описалъ устройство собора съ архитектурной стороны, указалъ неудовлетворительное состояніе предъ реставраціей и всѣ принятія мѣры для сохраненія этого замѣчательнаго памятника старины. Перейдя къ иконо-

графической части своего сообщения, С. К. Родіоновъ особенное вниманіе удѣлилъ иконостасу собора вообще и въ частности его первому нижнему ярусу, заключающему весьма рѣдкія иконы и представляющему собою памятникъ важныхъ историческихъ событій. Чтеніе сопровождалось фототипіями, фотографическими снимками и чертежами. Собраніе выразило благодарность автору за его интересное сообщеніе.

Ко дню засѣданія Отдѣломъ получены изданія Императорской Археологической Комиссіи (отчетъ за 1903 г.), Императорскаго Рус. Археол. Общества (Записки отдѣленій—Нумизматическаго т. I, в. 1, и рус. и слав. археол. Комитета (Воронежская Старина, в. 6-й), Оренбургской Уч. Арх. Комиссіи (Труды в. 17) и Тверскаго Епарх. Ист.-Арх. Комитета (2 брош.).

Въ Церк.-Археол. музей поступило пожертвованіе отъ свящ. А. П. Рѣченскаго: древняя рѣзная икона св. Николая „Можайскаго“. Жертвователью выражена благодарность Отдѣла.

❁❁❁❁ ❁❁❁❁   О б ъ я в л е н і я .   ❁❁❁❁ ❁❁❁❁

Вышли изъ печати новыя изданія Комиссіи по устр. общеобр. чтеній для ф.-з. раб. г. Москвы:

Отъ Геосиманіи до Голговы страданія и крестная смерть Господа нашего І. Христа“ съ 29 карт. и 5 худож. виньетк. *М. И. Струженникова*, ц. 60 коп.

Свѣтлое Христово Воскресеніе съ 20 карт. *его же*, ц. 35 коп.

Очеркъ парламентаризма въ Англій *В. А. Истомина*, ц. 40 коп.

Размноженіе живыхъ существъ съ мн. рис. *проф. А. А. Тихомирова*, ц. 40 коп.

Государство и рабочій вопросъ *Е. А. Никитина*.

Цѣли, пути и исходъ социаль-демократіи *Меленіуса*, перев. съ нѣм., ц. 10 коп.

Будущій социаль-демокр. строй *П. Лемона*, перев. съ нѣм. ц. 6 коп.

Соціалистическій рай, какимъ онъ будетъ въ дѣйствительности, *д-ра Кэзера*, съ нѣм. ц. 8 коп.

Будущее равенство, съ англ., ц. 10 коп.

Продаются въ книжн. магазинахъ Карбасникова, Гринемута, Суворина въ Еп. Домѣ и др. Складъ изданій въ д. Глазова по Мерзляковск переул., близъ Никит. воротъ, телефонъ 102—49.

ВЪ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ:

„ИСКРА БОЖІЯ“

Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Составилъ Г. Дьяченко. Москва. 1903 г. стр. 492.

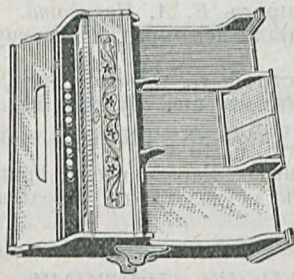
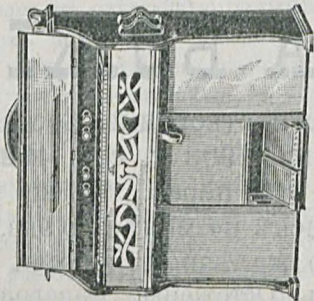
Цѣна безъ. перес. 55 к. съ перес. 85 к; наложеннымъ платежемъ 1 р. При выпискѣ не менѣе 10 экз. книга отправляется по желѣзной дорогѣ.

АДРЕСЪ для выписи книгъ: Остоженка, Савеловскій переулокъ
Типографія Снегиревой.

ЛУЧШЕЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ДУХОВНОЙ И СВѢТСКОЙ МУЗЫКИ

ФИСТ АРМОНИИ

первоклассныхъ сагранныхъ фабрикъ КАРПЕНТЕРЪ, ШИДМАЙЕРЪ И СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ВЪ ЛЕЙПЦИГЪ (АМЕРИКАНСК. СИСТЕМЫ).

- № 4033. 5 октавъ, 122 голоса, 13 регистр., орѣховаго дерева . . . . . 175 р.
- № 4039. 5 октавъ, 159 голосовъ, 14 регистр., орѣховаго дерева . . . . . 200 р.
- № 4066. 5 октавъ, 220 голосовъ, 16 регистр., орѣховаго дерева . . . . . 250 р.
- № 4084. 5 октавъ, 288 голосовъ, 18 регистр., орѣховаго дерева, весьма изящной, богатой отдѣлки . 375 р.

№ 4017. 5 октавъ, 61 голосъ, 5 регистр., дуб. дерева. 120 руб.

№ 4030. 5 октавъ, 122 голоса, 10 регистр., дуб. дерева. 150 руб.

РОЯЛИ И ПИАНИНО Ю. ВЛОТНЕРЪ, Г. ФИДЛЕРЪ, Н. БЕККЕРЪ, К. М. ШРЕДЕРЪ, Бр. ДИДЕРИХЪ и др. По фабричнымъ цѣнамъ. — Рояли отъ 550 р. ПИАНИНО отъ 375 р.

■ ДЛЯ ЛИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА. ■
ГРАММОФОНЫ-ТОНАРМЪ новѣйшихъ моделей въ 18, 20, 35, 55, 65 р. и др. Большой выборъ пластинокъ свѣтскаго и духовнаго содержанія.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ, принадлежностей и нотъ.
—) Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ № 61 и каталоги нотъ свѣтскихъ и духовныхъ **БЕЗПЛАТНО.** (—

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина. С.-Петербургъ, Морская № 34. Рига, Сарайная, № 15. 3—0

Вышла изъ печати новая книга:

Опытъ систематическаго пособія при полемикѣ съ старообрядцами, съ краткимъ очеркомъ развитія древнихъ сектъ и русскаго расколостарообрядчества. (Разрѣш. къ печати Москов. духов. цензур. комит.).

Священникъ *Александръ Кандарицкій*.

Съ требованіями желающіе могутъ обратиться въ г. Стерлитамакъ. Уфим. губ. въ типографію А. В. Кузнецова.

Цѣна книги (свыше 700 стр. убористой печати) 3 руб. 50 коп. съ пересылкой. Выписывающимъ болѣе 10 экз.—3 р. съ пересылкой.

НЕБЫВАЛО Дешево

мебель, кровати, матрацы, пухъ, перо, ванны, души, фильтры, вѣнская гнутая мебель.

Обратите вниманіе!

Къ сезону на дачи и въ имѣнія разнообразный выборъ обстановокъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

А. А. АЛЕКСАНДРОВЪ съ С-ми,

Москва, Красная площадь, ряды, бель-этажъ, главный подъѣздъ.

Для церковнаго служенія

Т-во „*Р. КЕЛЕРЪ и К^о въ МОСКВѢ*“ рекомендуетъ свои:

УГОЛЬ ДЛЯ КАДИЛЬ, прессованный, превосходный и экономный,

ЛАДАНА: Афонскій, очень душистый 1 р. 50 к. и „Экстра“ 3 р. 25 к. за фун.,—сиамскій, росной и „капанецъ“,

РОЗОВОЕ МАСЛО, верхъ превосходства „Казанлыкъ“,

РЕГАЛЬНОЕ МАСЛО, тоже высшаго сорта,

ДЕРЕВЯННОЕ МАСЛО, совершенно чистое, Галлипольское, и многіе другіе предметы, какъ-то: настоящее греческое мыло для омовенія престола, греческія губки для отиранія потира (совершенно чистыя), прессованныя губки для антиминовъ, красивыя и недорогія лампы для иконъ, свѣтильни для лампады французскія и др., курительная бумага, порошокъ и свѣчи, зажигат. нитка, скипидаръ, факелы и бенгальскіе огни и пр.

Т-во „Р. Келеръ и К^о въ Москвѣ“

ИМѢЮТЪ СВОИ МАГАЗИНЫ:

въ МОСКВѢ 5, въ ПЕТЕРБУРГѢ 3, въ САРАТОВѢ 2, на нижег. ЯРМАРКѢ 2 и по одному во ВЛАДИВОСТОКѢ и въ ХАРЬБИНѢ.

Содержаніе: Наша пастырская задача въ борьбѣ съ социаль-демократическою пропагандою. — „Приступъ“ къ небу. — Изъ постной тріоди Страсти Христовы (стихотвореніе). — Великіе дни. — Раздумье. — Соціализмъ въ государственномъ и общественномъ отношеніи. — Последнее слово пастыря своимъ прихожанамъ. — Праздникъ Алексѣевского Братства. — Летопись епархіальной жизни — Объявленія.

При семь № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 15. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пересылка бесплатно.

Цензорь
Протоіерей Н. Извъковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

15 апрѣля.

№. 15.

1907 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Его Высокопреосвященствомъ 2 апрѣля разрѣшено монаха Волоколамскаго Іосифова монастыря *Іеронима* рукоположить въ санъ іеродіакона.

Его Высокопреосвященствомъ 2 апр. іеромонахъ Можайскаго Лужецкаго монастыря *Порфирій* награжденъ набедренникомъ и назначенъ благочиннымъ названнаго монастыря.

Его Высокопреосвященствомъ 4 апр. разрѣшено іеродіакона Екатеринбургской пустыни *Серафима* рукоположить въ санъ іеромонаха.

Его Высокопреосвященствомъ 6 апр. разрѣшено псаломщика с. Хорошова, Моск. у., Василия *Погожева* рукоположить въ санъ діакона съ оставленіемъ его на псаломщической вакансіи.

Перемѣщены:

1) На вакансію священника при Московскомъ Всехсвятскомъ единовѣрческомъ монастырѣ священникъ Успенской единовѣрческой церкви г. Ржева Василий *Волковъ*, 4 апрѣля.

2) На вакансію священника къ церкви с. Дубровокъ, Богородскаго у., священникъ Христорождественской, у озера Данилищева, церкви, того же у., Сергій *Закатовъ*, 6 апрѣля.

3) На вакансію къ церкви села Теплаго, Рузскаго у., діаконъ села Спасскаго, Волоколамскаго у., Николай *Блокуровъ*, 7 апрѣля.

Отъ Московской Духовной Консисторіи.

Московскому Серафимовскому Комитету Россійскаго Общества Краснаго Креста Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено произвести сборъ въ церквахъ города Москвы 19 іюля сего 1907 года.

О.о. Благочиннымъ и настоятелямъ храмовъ г. Москвы и Московской губерніи: соборныхъ, приходскихъ и монастырскихъ.

Въ нынѣшнемъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, Совѣтъ Московскаго Отдѣленія Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, на основаніи даннаго ему Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшенія, предположилъ произвести по всемъ церквамъ Московской губерніи тарелочный или кружечный сборъ въ пользу слѣпыхъ въ теченіе всей „недѣли о слѣпомъ“, т. е. съ 27 мая по 2 іюня с. г.

Озабочиваясь организаціей этого сбора по храмамъ Московской губерніи, я, какъ Предсѣдатель Совѣта названнаго Отдѣленія, симъ приглашаю о.о. Благочинныхъ и настоятелей храмовъ не отказать мнѣ въ помощи организовать этотъ сборъ, служащей почти единственной матеріальной поддержкой для существованія различныхъ учрежденій Отдѣленія Попечительства, стремящагося также и къ большому развитію святаго дѣла христіанскаго милосердія — облегченія участи обездоленныхъ слѣпцовъ, и каждаго въ отдѣльности о. благочиннаго и настоятеля храма покорнѣйше прошу исполнить нижеслѣдующее:

А). О.о. благочинные храмовъ г. Москвы благоволятъ, принявъ отъ Совѣта Московскаго Отдѣленія надлежащее количество кружекъ для сбора пожертвованій въ пользу слѣпыхъ, воззваній большого и малаго формата и поученій, не откажутъ разослать названные предметы по храмамъ ихъ благочиній для подлежащихъ цѣлей. О.о. настоятели храмовъ г. Москвы благоволятъ, принявъ отъ о.о. благочинныхъ перечисленные предметы, посодѣйствовать съ своей стороны успѣху сбора выборомъ для него болѣе удобнаго времени, каковымъ по моему мнѣнію въ большинствѣ случаевъ необходимо считать: за всенощной—тотчасъ послѣ шестопсалмія и за Божественной литургіей—тотчасъ послѣ Евангелія. Предъ сборомъ о.о. настоятели не откажутъ сказать съ амвона имѣющее быть сопровождаемымъ Отдѣленіемъ печатное поуче-

ніе, особливо написанное для недѣли о слѣпомъ преподавателемъ Московской Духовной семинаріи Д. И. Введенскимъ.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ г. Москвы и губерніи помимо кружечнаго сбора въ будни, въ праздничные дни 27 и 31 мая (какъ за всенощной, такъ и за литургіей) можетъ быть и тарелочный сборъ, который будетъ производиться особо приглашенными для сего г. Уполномоченнымъ Попечительства Н. Ф. Александровымъ сборщиками, кои имѣють представлять о.о. настоятелямъ и старостамъ храмовъ печатное полномочіе на производство сбора, за подписью г. Александрова.

Въ случаѣ тарелочнаго сбора, собранные деньги опускаются въ кружку Попечительства въ присутствіи старосты и лица, собиравшаго деньги. О послѣднемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, прошу о.о. настоятелей храмовъ поставить въ извѣстность старость.

По окончаніи сбора, т. е. послѣ 2 іюня, о.о. настоятели храмовъ благоволятъ кружки съ собранными пожертвованіями и съ опущенными въ кружки записочками, обозначающими церкви, въ коихъ сборы производились,—представлять о.о. благочиннымъ, а послѣдніе не откажутъ препроводить кружки въ канцелярію Совѣта Попечительства о слѣпыхъ (Каретная-Садовая, Губернское Акцизное Управление), гдѣ въ приѣмѣ кружекъ (ежедневно отъ 11 до 2 час. дня, кромѣ праздниковъ) будутъ выдаваться квитанціи и деньги за доставку кружекъ на извозчикѣ.

и Б). О.о. благочинные храмовъ, находящихся въ уѣздахъ губерніи, благоволятъ, принявъ препровожденныя Совѣтомъ Отдѣленія по почтѣ воззванія большого и малаго формата, поученія и бланки вѣдомостей для записи въ нихъ тарелочнаго сбора,—разослать оныя предметы заблаговременно по храмамъ ихъ благочиній для надлежащихъ цѣлей, а о.о. настоятели храмовъ, во всемъ руководствуясь указаніями, преподанными о.о. настоятелямъ храмовъ г. Москвы, за исключеніемъ части, касающейсѣ кружекъ, не откажутъ посодѣйствовать среди прихожанъ успѣху сбора, каковой благоволятъ по окончаніи его, т. е. тотчасъ послѣ 2 іюня с. г., представлять съ подлинными бланками вѣдомостей, заполненными необходимыми данными и за подписью своего старосты и кого-либо изъ прихожанъ,—о.о. благочиннымъ, а послѣдніе не откажутъ въ самомъ непродолжительномъ времени выслать сборъ по церквамъ ихъ благочинія — г. Уполномоченному Попечительства о слѣпыхъ Н. Ф. Александрову (VI Почтовое

Отдѣленіе г. Москвы, Губернское Акцизное Управление), препроводивъ ему-же въ казенномъ пакетѣ подлинныя вѣдомости о сборѣ. По полученіи изъ почтоваго Отдѣленія сбора, г. Уполномоченный будетъ высылать каждому благочинному установленную квитанцію. Предсѣдатель Совѣта *Епископъ Трифонъ.*

Сборы и пожертвованія по столичному Спасскому, въ Наливкахъ, благочинію въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Собрано, за время съ 29 апрѣля 1906 года по 25 марта 1907 года, въ церквахъ благочинія: 1) Александроневской, въ приютѣ Императора Александра II—9 р. 52 к.; 2) Андреестратилатской, при Учительскомъ Институтѣ—12 р. 42 к.; 3) Благовѣщенской, Николаевской тожъ, въ Пыжахъ—25 р. 19 к.; 4) Воскресенской, въ Кадашевѣ—55 р. 61 к.; 5) Георгіевской, Иверской тожъ, на Вespольѣ—24 р. 81 к.; 6) Григоріе-Неокессарійской, на Большой Полянкѣ—24 р. 29 к.; 7) Екатерининской, на Вespольѣ—53 р. 79 к.; 8) Иверской, при Иверской Общинѣ сестеръ милосердія—10 р. 3 к.; 9) Иоакиманской, на Якиманкѣ—20 р. 82 к.; 10) Космодамианской, въ Кадашевѣ—38 р. 86 к.; 11) Мароновской, въ Старыхъ Панѣхъ—26 р. 55 к.; 12) Николаевской, въ Берсеновкѣ—23 р. 97 к.; 13) Николаевской, въ Голутвинѣ—50 р. 53 к.; 14) Николаевской, въ Толмачахъ—15 р. 88 к.; 15) Петропавловской, на Калужской улицѣ—20 р. 62 к.; 16) Покровской въ Голикахъ, на Малой Ордынкѣ—13 р. 15 к.; 17) Скорбященской, на Большой Ордынкѣ—66 р. 83 к.; 18) Спасо-Преображенской, въ Наливкахъ—42 р. 87 к.; 19) Спасо-Преображенской, въ богадѣльнѣ слѣпыхъ женщинъ—11 р. 34 к. и 20) Успенской, въ Казачьей—41 р. 44 к., а всего—*пятьсотъ восемьдесятъ восемь рублей пятьдесятъ двѣ копейки* (588 р. 52 к.).

Означенныя деньги своевременно сданы въ Комиссію по церковному сбору при Московскомъ Мѣстномъ Управленіи Россійскаго Общества „Краснаго Креста“.

Содержаніе: Распоряженія Епархіальнаго начальства. — Отъ Московской Духовной Консисторіи. — Правила въ недѣлю о слѣпомъ. — Вѣдомость о сборѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъльновъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
П. Беллавинъ.